

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

Операция
«Кристалл»

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Операция «Кристалл»

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Операция «Кристалл» / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Мощный взрыв потряс здание отеля в израильской столице, где проходило совещание крупнейших алмазных магнатов мира. Но эта трагедия, унесшая многие жизни, явилась следствием сверхсекретной операции, которую начали проводить в жизнь еще бериевские приспешники в начале пятидесятих годов. Действие нового романа протекает в Германии, Франции, Англии, России, Израиле, где активно действует созданная по инициативе президентов России и США антитеррористическая команда «Пятый уровень», одним из руководителей которой является «важняк» Генпрокуратуры России А.Б.Турецкий.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Евсеевич Незнанский

Операция "Кристалл"

Глава 1

Швейцария, 1952

Они пришли ночью.

Три человека с длинными палками в руках. Ворвались в дом и сразу набросились на Стефана, не успевшего проснуться. Закричала жена, но ее стукнули по голове, и она затихла.

— Что вам надо? У меня же ничего нет, — испуганно бормотал старик.

Бандиты не обращали на его слова никакого внимания. Сунули ему в рот кляп, скрутили руки проволокой, затолкали в какой-то мешок и быстро потащили во двор, под проливной дождь.

Стефан тщетно пытался освободить руки и ноги, проволока лишь сильнее впивалась в кожу. Отчаявшись, старик стал прислушиваться, но ничего, кроме барабанивших по брезенту мешка капель, услышать не смог.

Потом две пары сильных мужских рук бросили его на деревянные доски, и через минуту старик почувствовал, что где-то под ним затарахтел мотор. Брезент намок и стал плохо пропускать воздух. Стефану все труднее становилось дышать. Машина сорвалась с места и, прыгая по ухабам, понеслась в ночную мглу.

Дом разгорелся вскоре после того, как небольшой фургон, в каких фермеры обычно возят в город овощи, скрылся за поворотом. Пожар заметили соседи. Несколько человек выскочили на улицу в одних пижамах и принялись тушить, громко крича и бестолково суетясь.

Потом приехала пожарная бригада и полиция, и через полчаса все было кончено. От дома, правда, остался черный остов, но зато удалось предотвратить распространение огня на соседние здания.

Инспектор Ингмар Шольман был не в лучшем расположении духа, когда приехал на этот чертов пожар. Ужасно, как и всегда в непогоду, разболелась поясница. Да к тому же раскалывалась голова после вчерашнего праздничного обеда в честь дня рождения племянницы, которую он терпеть не мог, но к которой непременно нужно было навеститься, чтобы не нарываться на скандал с супругой.

— Ну что там? — спросил он у помощника, когда тот наконец вылез из развалин и подошел к машине. — Можно ехать или...

— Придется повозиться. — Полицейский развел руками, будто это он был виноват в том, что Шольману не удастся спокойно закончить дежурство, храпя в участке до самого утра. — Два трупа.

— А-а, черт бы их всех побрал. — Шольман с трудом вытащил из машины свое грузное тело и нехотя поплелся в дом, перепрыгивая через лужи и обгоревшие балки перекрытий.

Трупы лежали в спальне — мужчина прямо возле кровати, а женщина у двери.

— Кто они? — Шольман поежился и с тоской вспомнил о фляге коньяка, впопыхах оставленной в участке.

— Хозяева дома. — Помощник вздохнул. — Супруги Стефан и Ирма Норвей... Судя по всему. Очень обгорели, по фотографиям не узнать.

Инспектор поежился, присел на корточки и стал осматривать тело мужчины.

— Соседей допросили?

— Допрашиваем.

— А что пожарники?

Помощник пожал плечами.

— Как всегда... От чего загорелось, можно будет сказать только завтра. Скорее всего, неполадки с отоплением. Из подвала огонь шел.

— Ясно. — Шольман кивнул. — Ну, тут ничего интересного. Оба сгорели заживо. Видишь их позы — как будто боксеры. Трупы так не горят. Если это точно они, даже дело заводить не стоит.

— А если это убийство? Я имею в виду умышленное, — спросил помощник. — Тут ведь первый этаж. Почему через окно не высочили?

— Какое убийство... — Инспектор сплюнул. — Ну кому нужно убивать простого железнодорожника, да к тому же старика? В общем, разбирайтесь тут, а я поехал в участок.

Дело и вправду оказалось простым, хоть и не очень привычным для городка. Ирму опознали с помощью дантиста. Сохранился рентгеновский снимок ее зубов. Зубной карты ее мужа, правда, не нашли, но по росту и по телосложению — подтвердили соседи — был точно он, и никто больше. Судя по показаниям тех же соседей, а также по рапорту пожарников пожар действительно произошел из-за сбоя в системе отопления. Стефан страдал радикулитом и поэтому старался протопить дом как следует, а старый, еще с прошлого века, котел просто не выдержал сильного давления и раскололся. Супруги наверняка крепко спали и именно поэтому не услышали сильного взрыва.

Жители городка с честью похоронили супружескую чету, посудачили об этом еще два дня и стали постепенно забывать о случившемся. Только начальник железнодорожного перегона, на котором уже сорок лет работал старик Норвей, все беспокоился, кого же он теперь пошлет везти правительственный груз, который пройдет тут через три дня и который вот уже семь лет доверяли возить только старику Стефану...

Этот состав проходил через станцию раз в три месяца. Ровно за полчаса до него шел бронепоезд с военными, а спустя пятнадцать минут — еще один бронепоезд. Что за груз везли в этом поезде, никто никогда не знал.

— Почему новый машинист? — Сопровождающий протянул бумаги начальнику перегона. — Вы должны были сообщить об этом за десять дней до рейса.

— Но дело в том, что старый умер только пять дней назад. Позавчера были похороны. — Начальник побледнел и трясущимися руками попытался всучить бумаги сопровождающему. — Все это было так неожиданно, так неожиданно...

— Вы нарушили инструкцию, — холодно перебил его мужчина в военной форме. — Мы даже не провели с ним собеседование, не выяснили личность. Я вынужден сообщить об этом своему начальству.

— Да-да, конечно, я понимаю... — Начальник втянул голову в плечи так, что из воротника выглядывал только его пупырчатый нос.

Сопровождающий окинул его взглядом с ног до головы и, подумав немного, взял документы. Начальник еле сдержал облегченный вздох.

— Ну хорошо, — сказал военный. — В дальнейшем прошу строго следовать инструкции. Не хватало еще, чтобы что-то случилось по дороге. Выезжаем через пятнадцать минут, не позже. И будьте любезны, не тяните с объяснительной запиской.

Не дождавшись ответа, сопровождающий резко развернулся и быстро зашагал к составу, состоящему только из паровоза и одного вагона.

— Ну что там, Роберт? — спросил второй сопровождающий, выглянув в маленькое зарешеченное окошко бронированного вагона. — Какие-то проблемы?

Роберт не ответил, задумчиво глядя куда-то вниз. Маленькая дверца на мгновение открылась, и он быстро скользнул внутрь.

Яркий солнечный свет почти не попадал в нутро тяжелого бронированного вагона, освещенного несколькими тусклыми желтыми лампочками. Там кроме Роберта было еще двое военных. Один, пожилой мужчина, сидел на маленьком стульчике у окна, а второй, совсем молодой, почти мальчик, крепко спал на узкой кушетке у стены. Большая часть вагона была отгорожена массивной стальной решеткой, за которой находился огромный сейф с несколькими замками.

Роберт запер дверь изнутри, долго и тщательно проверял все засовы и наконец сказал, пристально посмотрев на второго охранника:

— Что-то здесь не так, Мишель. Не нравится мне все это.

— Что? — Мишель насторожился.

— Уже вторая неожиданная замена на этом рейсе. Машинист не тот, что всегда. Он умер три дня назад.

Мишель пожал плечами.

— Может, совпадение?

— Может, и совпадение. — Роберт покосился на небольшой металлический ящик на столике. — Как думаешь, стоит сообщить, чтобы выслали подкрепление, а мы тут в автономном режиме подождем?

— Да ты что, его испугался? — Мишель кивнул на спящего юнца.

— Хорошо, а что стряслось с Петером? — спросил Роберт. — Он ведь тоже помер три дня назад. Здоровый мужик, а умер от какой-то там ишемической болезни. Ты в это веришь? И мы же не яйца везем.

— Ну какой он диверсант? — ухмыльнулся Мишель. — Спит всю дорогу. И потом, чего бояться? За пятнадцать минут они, как ни крути, ничего сделать не сумеют. А на месте мы обо всем сообщим, в рапорте.

— Но в инструкции сказано, что...

— Да ладно тебе. — Мишель махнул рукой. — Тот, кто писал эти инструкции, пусть сам хоть немного поживет по ним. Странно, как это они не додумались написать, сколько раз мне ходить в сортир за время рейса, бред какой-то.

Глухо лязгнули сцепки, и вагон дернулся. Потом еще раз и еще — и медленно поплыл по рельсам.

— А может, и правда совпадение. — Роберт лег прямо на пол, где лежало несколько шинелей. — Через шесть часов уже Женева.

Колеса монотонно бухали на стыках, и вагон плавно водило из стороны в сторону. Роберт не спал, хотя, казалось, лежал с закрытыми глазами. На самом деле он незаметно наблюдал за Мишелем, который сидел за маленьким столиком у окошка и увлеченно читал какую-то книжку. Интересно, почему он так спокоен, будто ничего не произошло. Что ни говори, а это нештатная ситуация. Только вчера стало известно, что вместо внезапно умершего Петера груз будет сопровождать новый охранник, а сегодня вдруг оказалось, что на последнем перегоне еще и машинист какой-то другой, а Мишель так спокоен, как будто это в порядке вещей. Почему?

В положенный час тихо запищало радио. Мишель нехотя отложил книгу, включил микрофон и доложил, что на маршруте все спокойно. Хотел еще что-то добавить, но подумал немного и отключил рацию.

И сразу завизжали тормоза. Завизжали так неожиданно, что Мишель свалился с табуретки, потеряв равновесие.

— Что? Что такое?

Роберт тут же вскочил, расстегивая кобуру.

— Пистолет! Забери пистолет, а я сообщу!

Мишель бросился к спящему и мигом вскочил ему на спину. Парень даже не успел ничего сообразить, как руки у него были уже вывернуты за спину и туго связаны кожаным ремнем.

— Алло! База, База... Да что такое, черт побери! — Роберт отчаянно крутил ручку рации. — Почему эта железка не соединяет?!.. Алло!

— Что такое? Эй, это же я! — кричал парень, пуча глаза и пытаясь заглянуть за спину. — Отпустите, мне же больно! Да что случилось?

Захрипел и забулькал селектор связи с локомотивом.

— Алло! Вы меня слышите? Я правильно нажал?... Это машинист говорит. Тут повозка на пути застряла, сейчас поедет. Вы только не волнуйтесь, пожалуйста. Вы меня слышите?

Мужчины переглянулись, будто хотели друг у друга в глазах увидеть разъяснение всему происходящему.

— Да что случилось? Мне больно! — кричал парень, ворочаясь на койке.

— Дай мне его пистолет, — спокойно сказал Роберт.

Мишель протянул ему пистолет. Роберт взял, взвел курок и направил прямо на мужчину. Дуло смотрело как раз в переносицу.

— Ты что? — Мишель застыл.

— Ничего. Зря ты не сообщил составу прикрытия, когда я предлагал тебе. — Роберт нажал на спуск. Истошно закричал связанный, и запахло жженым порохом. Мишель постоял еще немного, кашлянул кровавыми сгустками и рухнул на пол.

— Зачем ты?... — Мальчишка извивался на койке, пытаясь высвободить руки. — Ты же его убил. Ты убил его, понимаешь? Я все напишу в рапорте... Я все напишу.

Роберт, не обращая внимания на истерику связанного охранника, вынул пистолет из кобуры Мишеля. Повертел его в руках и подошел к койке. Мальчишка затих, с ужасом глядя на мужчину.

— Все очень просто получится, — холодно разъяснил Роберт. — Ты с друзьями хотел украсть груз. Случилась перестрелка, и вы с Мишелем убили друг друга.

— А ты? — тихо спросил мальчишка.

— За меня не беспокойся. — Роберт улыбнулся. — Закрой глаза.

Парень послушно зажмурился. Роберт приставил дуло к его покрывшемуся испариной лбу и выстрелил. Потом протер пистолет Мишеля и сунул его в руку убитого.

И в это время вагон дернулся. Роберт еле успел схватиться за поручень. Посмотрел на часы и бросился открывать двери.

— Быстрее! Быстрее! — Люди в маскировочных костюмах прыгали в вагон один за другим. Десять человек. А Роберт уже сидел за столиком и отрывисто командовал по рации тем, кто в локомотиве:

— Осталось три минуты. Потом попадаем в видимость. Труп помощника машиниста не выбрасывать. Шевелись, ребята!

Сзади грохнуло два взрыва, и через несколько секунд шестеро человек пронесли мимо вагона два искореженных куска рельсы.

— Можно трогать! Гони на мост!

Состав нехотя двинулся с места и пополз к мосту.

— Как с замками? — спросил у Роберта один из пятнистых людей. — Дубликаты достал?

— А я предупреждал! Я предупреждал, что не получится! — нервно затараторил Роберт. — Я сразу про ключи говорил, что не достану. Вот так.

— Ребята, у нас тридцать минут на все! — скомандовал молодой блондин с голубыми прозрачными глазами. — Пока они восстановят пути. Так что за работу. Прямо сейчас!

Несколько человек бросилось к решетке. Через минуту к основанию уже были прикреплены несколько тротильных шашек. Двое парней проворно разматывали провода и подсоединяли их к взрывателю.

— Готово! Можно рвать!

Белобрысый выглянул из вагона и махнул рукой. Состав начал тормозить. Все попрыгали из вагона, не дожидаясь, пока поезд остановится. Делали это четко и слаженно, без лишнего слова, без лишнего движения.

— Взрывай! — скомандовал белобрысый.

В вагоне гроыхнуло, и из дверей повалил дым. Все тут же бросились обратно в вагон. Так же четко и слаженно. Состав, не успев остановиться, снова начал набирать скорость.

Решетка выдержала взрыв. Только один прут вывернуло из пола. Но в дыру все-таки можно было пролезть.

— Рвать еще?

— Хватит, — сказал белобрысый. — Давайте к сейфу.

Двое людей, которых на уголовном жаргоне называют «слухачи», потому что они выслушивают сейф, как больного, и находят в нем слабые точки, уже пролезли в пролом и прилипли к массивной чугунной двери, шаря по ней медицинскими стетоскопами.

— Ну что там? — Белобрысый то и дело поглядывал на часы.

— Да заткнитесь вы все! — крикнул один из взломщиков. — Тихо!

Все разом замолчали. Только два стетоскопа позвякивали о чугун сейфа.

— Значит, так, — наконец сказал один из взломщиков. — Три цифровых замка, один замок на одновременный поворот и часовой механизм.

— Тут еще что-то, — пояснил второй. — Пока не могу разобрать. Состав нужно останавливать.

— Нельзя останавливать, пока не доехали до моста, — жестко сказал белобрысый.

— На! — Мужчина сорвал с себя стетоскоп. — Делай все сам. Он меня еще будет учить.

Глаза блондина сузились, превратившись в тоненькие, как иголка, щели. Но только на мгновение. В следующую секунду он уже махал машинисту. Поезд резко затормозил.

— Всем выйти из вагона! Остаться только Роберту и слухачам!

Через секунду внутри осталось пятеро. Трое живых и два труп.

Пока слухачи ощупывали металлические внутренности чугунной двери, Роберт развязал руки мертвому парню и сунул ему в руку его пистолет. Ни в чем нельзя ошибиться, ни в одной мелочи. Любой пустяк может разрушить все дело. Главное — не только изъять груз, но и направить полицию по ложному следу. И выиграть время, потому что этот груз будут искать лучшие сыщики мира.

— Это газ, — тихо сказал один из слухачей, маленький толстяк с редкой бородашкой. — При вмешательстве отравит всех.

— Противогазы! — закричал Роберт. — Всем надеть противогазы!

Все натянули на головы резиновые маски, и слухачи принялись за работу. Из потолка двумя струями ударил газ.

И вдруг запищала рация. Роберт схватил микрофон и в ужасе понял, что в противогазе говорить не может. Он беспомощно вертел головой, ища глазами белобрысого. Рация продолжала пищать. Если не ответить сейчас, то охрана, что в хвосте поезда, все поймет. Она и так все поймет, но лишь через десять минут, когда окажутся у взорванных рельс. Десять минут...

Руки у связиста лихорадочно тряслись. Два раза он чуть не обрезал шнур, пока оголял провода. А рация продолжала пищать.

— Быстрее, быстрее... — тихо стонал Роберт, глядя, как тот присоединяет длинный отвод к микрофону. Не дожидаясь, пока он заизолирует провода, схватил переговорник и ринулся подальше от вагона. Противогаз сорвал в последний момент, когда отбежал на положенные десять метров. В нос ударил едкий запах газа, и глаза тут же налились слезами.

— Аллю. Сопровождающий Роберт Нунстрем, триста семнадцать, Альбина.

— Почему молчите? — закричал динамик. — Всех после рейса на переподготовку. Что там у вас?

— Что-то с переговорником. Я вам кричу-кричу... У нас все нормально. По расписанию.

— По прибытии напишете докладную, — прохрипели по рации. — Связь через час.

— Слушаюсь. — Роберт швырнул рацию в камыши. Натянул противогаз и побежал обратно к вагону. — Сколько? — спросил он у белобрысого.

— Один цифровой, — пробубнил через противогаз блондин, глядя на часы. — Еще семнадцать с половиной минут, и нужно уходить.

— Успеют?

— Второй готов! — радостно крикнул слухач.

Роберт напряженно наблюдал за действиями слухачей, вертящих диск кодового замка. Если бы он обернулся, то увидел бы, как белобрысый за его спиной вынул пистолет из рук мертвого мальчишки и аккуратно взвел курок.

— Прервитесь на секунду!

— Зачем? — Роберт резко обернулся, и в грудь ему ударила горячая волна.

— Можете продолжать, — приказал белобрысый, стягивая противогаз с убитого.

Слухачи кивнули и принялись за работу.

Третий кодовый замок открыли через десять минут. Остался только часовой механизм и замок синхронного поворота ключей. И всего семь минут времени.

— Электромагнит сюда!

Двое парней втащили в вагон трансформатор и протянули за решетку кабель с электромагнитом. Заурчал мотор. Слухач стал медленно водить щупом по гладкой поверхности двери, внимательно глядя на часы под потолком.

Наконец секундная стрелка дернулась и замерла.

— Крепи тут и давай второй!

Через минуту нашли колесико минутной стрелки.

— Напряжение! — скомандовал слухач, и трансформатор загудел громче. Минутная стрелка начала бешено вращаться, наматывая час за часом.

— Стоп! — закричал слухач, когда часы показали без двух минут десять. — Отпускай секунды.

Трансформатор чихнул и затих. Секундная стрелка опять поползла по кругу. Когда она добежала до отметки двенадцать, в двери что-то громко щелкнуло и тихо зазвенел звоночек.

— С праздником, дорогие товарищи... — Белобрысый облегченно стянул противогаз.

— Молчи! — прошипел слухач. — Еще синхронный остался. Там триста десять позиций. Если на сотую долю секунды ошибемся, все остальные опять закроются. Время?

— Две минуты сорок.

— Отмычки!

Две отмычки нырнули в скважины замков.

— Синхронизатор! — приказал белобрысый.

— Ой! — Один из грабителей вдруг побледнел. — А я его в лодке оставил. Я мигом...

Но договорить не успел, потому что грохнул выстрел. Белобрысый сунул пистолет за пояс. А тело уже подхватили и поволокли из вагона.

— Давай по-нашему.

Слухачи переглянулись.

— Ты что? Это же все, это же провал. Он же сейчас...

Главный снова потянулся к кобуре.

Мужчины метнулись к замкам.

— Раз.

Глаза главного опять сузились.

— Два.

По носу у него пробежала капля пота и повисла на кончике. Неужели все? Неужели провал? Это же расстрел на месте, без суда и следствия.

— Три!

Две дрожащие руки резко повернули два ключа. Наступила тишина. Даже стало слышно, как квакает под мостом лягушка.

— Ну что? — тихо спросил кто-то.

И тут внутри сейфа что-то заскрежетало и массивная чугунная дверь медленно поползла в сторону.

— Быстро! Быстро! — взорвался блондин. — Выгружай все! Минута!

Ящики взломали один за другим. Один из грабителей схватил самый большой камень и полоснул им по стеклу. На стекле осталась толстая царапина, после щелчка превратившаяся в трещину.

— Они! — крикнул грабитель.

Бриллианты быстро ссыпали в мешки и бросились из вагона.

— Ничего не оставлять! — кричал главный, внимательно наблюдая за эвакуацией. — Все — с собой! Подберите рацию из камышей. Время, время!

Как только последний мужчина прыгнул в лодку, взревел мотор, и она, отчалив от берега, быстро понеслась по ровной глади воды. Блондин сидел на корме и напряженно смотрел на застывший на мосту состав.

— Что с тем старым машинистом? — спросил он тихо.

— Все по плану, — ответил кто-то за спиной.

Через минуту из вагона вырвался сноп пламени.

— Ну вот и все. — Белокрысы облегченно вздохнул и взял первый мешок. Развязал узел и стал медленно высыпать бриллианты в реку. Камушки, словно брызги, сверкая на солнце, летели в воду.

— Красиво... — вздохнул кто-то. — Это ж целое состояние.

За первым мешком последовал второй, потом третий, четвертый. И так до последнего бриллианта. Белокрысы вывернул все мешки по очереди, тщательно проверяя, не осталось ли чего, и сунул их в рюкзак. Потом повернулся к толстенькому слухачу, который чиркал алмазом по стеклу, и спросил:

— Вась, зачем он тебе? Засыпать нас всех хочешь?

— В каком смысле? — Толстяк побледнел.

— Ну как знаешь. — Блондин пожал плечами и достал пистолет.

— Нет, постой, я все понял! — закричал Вася, отчаянно роясь по карманам. — Подожди, я уже...

Грохнул выстрел, и его мозги забрызгали сидящих рядом. Белокрысы деловито нагнулся и достал из его кармана последний, самый большой бриллиант. Повертел в руках, любясь красотой огранки, ухмыльнулся и швырнул в воду.

Наверное, большинство из пятнистых людей всерьез считали, что здесь, на чужой земле, они продолжают славные традиции революционеров — подрывают буржуазный мир изнутри, с легкостью выбрасывая в воду драгоценности, на которых, как они считали, и держался капитализм.

Только белокрысы знал истинную цель операции. Потому что была эта цель сверхсекретной, направленной не против всего капитализма, а только против богатейшего из его столпов — корпорации «Марс».

— Кривое не может сделаться прямым, — сказал он нараспев.

Глава 2

Лондон, 1952

— Нет, я теперь сам убедился, что английский юмор уступает русскому, — выпустив из глаза монокль, сказал лорд Шеппард. — Когда я семь лет назад водил морские конвои в Россию...

— Простите, лорд, — мягко перебил его сэр Коллинз, — но России больше нет. Они теперь называются...

— Господи, Коллинз, если мы в курилке парламента, то это вовсе не значит, что я должен выбирать исключительно парламентские выражения. Да я никогда и не выговорю это — Союз Советских Социалистических Республик. Россия! Да, Коллинз, это Россия. Когда я водил морские конвои, я понял, что если в этой войне кто-то и победит, то это будет не СССР, а Россия. Потому что (теперь я вернусь к тому, с чего начал) у них здоровый юмор. Не тонкий английский, не грубый немецкий, не сальный французский, а здоровый общечеловеческий юмор, который дается только молодой и сильной нации.

— Лорд, надеюсь, эти мысли вы не выскажете в вашем спиче на обсуждении доклада премьер-министра.

— А почему бы и нет?

— Потому что наших стариков хватит кондрашка. Они и так напуганы юмором дядюшки Джо. — Коллинз выпустил в потолок струйку синего дыма гаванской сигары.

— Сталин — еще не вся Россия, — поморщился то ли от дыма, то ли от слов Коллинза Шеппард.

— Это тоже впечатления ваших морских конвоев? Вам встретился хоть один русский, который ненавидит Сталина? Или хотя бы недоволен его политикой?

— Прямо они этого не говорили, — стушевался лорд.

— Намекали? — язвительно скривил губы Коллинз.

— И не намекали, — честно признался лорд. — Они предпочитают почему-то об этом вообще не говорить.

— Аполитичны? — все язвительнее улыбался Коллинз.

— Перестаньте, Коллинз, вы же знаете, они боятся! — Шеппард снова вставил монокль в глаз. — Но в целом общее ощущение — людям весело. И в этом смысле я все еще хочу вернуться к русскому юмору...

— Давайте лучше вернемся в зал заседаний, кажется, премьер уже давно начал свой доклад.

Шеппард и Коллинз прислушались — нет, за дверью по-прежнему шумела толпа, казалось, еще возбужденнее, чем прежде.

— Опаздывает, — сказал Шеппард.

— Хитрый лис, — смял сигару в пепельнице Коллинз, — знает же, что бриллиантовые делишки правительства так просто не проскочат через парламент.

— Я думал, Коллинз, что вы куда трезвее, — на этот раз язвительно улыбался Шеппард. — Еще как проскочат. И именно сегодня. Уже к концу заседания. Ведь нам опаздывать нельзя. Слишком большие деньги. Премьер и задерживается потому, что в бриллиантовых делишках, как вы выражаетесь, погрязла половина парламентариев. Вот вы тут плевались в сторону России, а что-то я не слышал вашего гнева по поводу расистской республики.

Коллинз пошел красными пятнами. Но при этом сохранял на лице невозмутимость.

— Скажите, уважаемый сэр Коллинз, сколько акций у вас в «Марс»? — все не отставал Шеппард.

— Надеюсь, эти ваши пассажи — не влияние русского юмора? — зло скривил губы Коллинз. — Вы же знаете, что мои интересы в «Марс» куда меньше, чем у самого королевства.

— Разумеется, наш остров — самый большой бриллиант в короне «Марс». Но вот это и противно.

— Господи, лорд, послушав нас, решат, что мы сумасшедшие, — наконец расхохотался Коллинз, вызвав своим смехом прилив такого же буйного веселья Шеппарда.

— Нет, сэр, мы просто по-английски шутим, — сквозь смех выговорил лорд. — Знаете, я заказал в Америке такую штучку, называется «магнитофон». Записывает разговор на специальную магнитную ленту. Довольно громоздкая вещь, но очень бы нам пригодилась, скажем, сейчас. Мы бы записали этот разговор и дали послушать лейбористам.

— Прекратите, Шеппард, — аж согнулся от смеха Коллинз.

— Представляете, как они стали бы искать в своих рядах этих смелых критиков — Шеппарда и Коллинза. Такие ребята им нужны.

— Очень! Они только своей смелостью и держатся.

— Но они бы их не нашли, — грустно улыбнулся лорд.

— Точно.

Что смешного находили во всем этом разговоре двое подтянутых, сухих джентльмена, неизвестно. Но веселились они от души.

Действительно, парламент в этот день должен был принять программу правительства, в том числе стратегию отношения королевства к корпорации «Марс».

И лейбористы, и консерваторы уже заранее знали, что программа эта будет принята большинством голосов, хотя некоторые горячие головы утверждали, что якшаться с корпорацией из расистской страны — ниже достоинства демократического, свободного государства. Но другие разумные головы напоминали этим ниспровергателям недавнюю историю, когда СССР стал лучшим другом Америки только потому, что у них были общие интересы. Причем коренные интересы.

А разве к коренным, вечным интересам не относится самый дорогой на земле камень? Нет, парламент проголосует «за». Так, немного почешут языки, поиграют в принципиальность. Собственно, весь набор такого рода аргументов и выложили Шеппард и Коллинз в курилке парламента. Возможно, именно это и развеселило их.

И у того, и у другого, как, впрочем, у большинства членов парламента в «Марс» были довольно внушительные пакеты акций. Ну скажите, при чем здесь государственное устройство, когда речь идет о деньгах.

Нет, русский юмор, конечно, великая вещь, но чтобы понять расчетливых парламентариев, даже его не хватает.

К политике вообще трудно подойти с юмором. Разве что с черным.

Эти нехитрые мысли время от времени проносились в ясных головах лордов и сэров, но только как изыск, как игра воображения, но никогда не окрашивались совестью или хотя бы легким укором самим себе. Политика — вещь не только не смешная, но еще и бесчувственная.

Шеппард и Коллинз еще некоторое время досмеивались своим веселым шуткам, а затем вышли в коридор, предварительно сменив выражение лиц на деловито-сумрачное.

Им сразу что-то не понравилось в общей атмосфере. У окружающих были весьма скорбные и озабоченные лица.

— Мы что-то с вами пропустили важное, Шеппард, — шепнул Коллинз. — Не иначе случилась революция и мы стали какой-нибудь социалистической республикой.

Лорд сдержал улыбку.

— Скорее, королева отреклась от престола, — шепнул он в свою очередь.

— А все свои деньги отдала на борьбу с расизмом, — подхватил Коллинз.

— Прекратите, — прошипел Шеппард, — я сейчас расхохочусь.

— Сэр Тэйлор! — окликнул Коллинз человека из толпы черных пиджаков, которые что-то мрачно говорили друг другу. — Можно вас отвлечь от содержательной, но весьма грустной беседы. Может быть, вы и нас посвятите в курс дела? Неужели премьер опоздает еще на час? Этак мы не успеем сегодня принять программу. Впрочем, можно не давать слова оппозиции, — мягко улыбнулся он.

— Боюсь, джентльмены, премьер сегодня вообще не придет, — сказал Тэйлор, не особенно радуясь тому, что сообщает новость первым.

— Это невозможно, — не поверил Шеппард. — Он же не сошел с ума.

— Хуже, джентльмены.

— Заболел? — ухватился за полуспасительную мысль Коллинз.

— Нет, джентльмены. Премьер сегодня утром убит.

— Погодите, не так быстро... — Коллинз растерянно оглянулся на Шеппарда.

У того монокль выпал из глаза:

— Значит, мы сегодня не будем ратифицировать договор с «Марс»?

Наверное, Шеппард сказал это слишком громко, потому что чуть ли не весь коридор обернулся к нему. И чуть ли не все в один голос сказали:

— Нет!

Потому что только этот вопрос и мучил всех. И потому что сегодня они таки испытывали несвойственное политикам чувство отчаяния...

Глава 3

Англия — Северный Арабский эмират, 1953

За те три года, что Мухамед Махлюф провел в Англии, он успел почувствовать себя настоящим европейцем. Научился носить элегантные костюмы и джинсы-клеш, гладко бриться по утрам (на родине эта процедура строжайше запрещалась) и водить свой пятиметровый «роллс-ройс» по левой стороне дороги.

Махлюфу было двадцать лет, и учился он в одном из самых престижных европейских колледжей. Учился хорошо. Впрочем, учиться плохо ему бы просто не позволили.

Разве что глухонемой восьмидесятилетний садовник, ежедневно подстригавший газон перед главным зданием колледжа, не знал о том, что отцом Махлюфа был арабский эмир Ясер Махлюф, владелец нефтеносных месторождений и самый богатый человек Аравийского полуострова. Остальные, в том числе преподаватели физики и химии — предметов, в которых Мухамед был ни бум-бум, знали об этом.

В колледже томились дети и других высокопоставленных особ, но по «крутизне» (как с недавних пор любила выражаться молодежь в Великобритании) Махлюф-младший превосходил их всех, вместе взятых.

«Зачем связываться с сильными мира сего?» — резонно размышляли учителя, выставляя в кондуите отличные оценки, хоть работы Мухамеда не заслуживали и «единицы».

Словом, сынку нефтемагната жилось в трехэтажном белокаменном особняке с многочисленной прислугой весьма неплохо. Каждый месяц он отправлялся в банк, куда его отец пересылал «скромные» суммы с шестью нулями. Эти деньги он тратил легко, сыпал ими направо и налево. Наверное, поэтому у наследника пятидесятимиллиардного состояния было так много «друзей».

Именно они научили его курить марихуану и нюхать кокаин. Махлюфу понравилось.

Воспитанный в исламской строгости, он был фанатично предан Аллаху. Но теперь смуглолицему пареньку становилось все сложнее и сложнее подчиняться законам шариата. С завистью наблюдая за своим окружением, свободолюбивым, наслаждающимся жизнью молодняком, он однажды не выдержал, окончательно сдался. И его унесло течением.

Пристрастие к выпивке и наркотикам — это еще полбеды. Особенно тяжело ему было совершать вечерний намаз — время молитвы совпадало с разгаром буйного веселья в самом разгульном клубе Лондона, на Пикадилли. И хотя в багажнике «роллс-ройса» всегда лежал коврик для намаза, он так и оставался там невостребованным — не молиться же на глазах у всей честной компании, посреди танцующей толпы, в скачущих огнях светомузыки... А после клуба, когда белая ниточка на запястье сливалась по цвету с черной, Мухамед уединялся с какой-нибудь смазливой и крепкозადой девчонкой и до самого утра удивлял ее своим восточным темпераментом.

Папаша Ясер находился в полнейшем неведении относительно времяпрепровождения любимого сыночка. Он доверял Мухамеду.

В тот вечер все было как обычно, по полной программе. Друзья, кокаин, джазовый клуб. Настроение — лучше некуда, да еще и «Челси» выиграл у «Арсенала» с крупным счетом, что тоже необходимо было отметить.

Вдоволь наплясавшись, веселая ватага ввалилась в ночной паб, пропустить по пинте темного пива.

Прознав о богатеньком посетителе, хозяин заведения тотчас же спустился в зал, чтобы лично выразить Махлюфу свое почтение.

— Я хотел бы остаться в тесной компании своих друзей, — попросил его Мухамед, протягивая несколько крупных купюр.

— Нет ничего проще, — заискивающе улыбнулся хозяин, беря из денежного веера только одну бумажку. — Через несколько минут помещение будет в вашем распоряжении.

Все смотрели на Махлюфа с нескрываемым восхищением, как на идола. Еще бы! Для него нет ничего невозможного! О, как ему нравилось ощущать себя предводителем!

Компания гудела, пиво лилось рекой, а на стойке бара отплясывали невесть откуда взявшиеся стриптизерши. Это хозяин решил использовать купюру Мухамеда по назначению и очень жалел о том, что не взял весь стерлинговый веер. Кто знает, когда еще царьку вздумается наведаться в его паб?

— Я Дженни. Ты меня помнишь?

На Махлюфа смотрели влажные светло-голубые глаза. Какая очаровательная мордашка... И приятный ирландский акцент...

— Помню, — ответил Махлюф, хотя и не был твердо уверен, что они прежде встречались. Да и сколько их было-то?

— Вообще-то мои предки ругаются, когда я поздно возвращаюсь домой. — Дженни провела тыльной стороной запястья по его щеке.

Вскоре они остались одни. Остальные парни и девчонки разбились на шумные группы по интересам. Кто-то забавлялся игрой в «бутылочку», кто-то метал дротики, а кто-то уже дрых безмятежным сном, уронив голову на столик.

— Тебя быют?

— Иногда, — сладко прищурилась девушка. — Но не больно. Отец заставляет меня снять трусы и пару раз стегнет ремешком... Он любит смотреть на мою голую попку.

От последних слов у Махлюфа засвербело внизу живота. Он свернул в трубочку салфетку, один ее конец сунул себе в ноздрю, другой ткнул в кокаиновую горку, после чего с шумом втянул в себя содержимое горки.

— Сколько тебе лет? — переведа дух, спросил он.

— Пятнадцать. Будет.

Едва они уединились на заднем сиденье «роллс-ройса», как Дженни разрешила себя поцеловать, сама приблизив к губам Махлюфа свои пухлые губы. Скользя кончиком языка по ее небу, Мухамед судорожно расстегивал пуговицы блузки. Вот уже его ладонь обхватила туго стянутую чашечкой бюстгалтера грудь...

— Ты классный парень, — прохрипела Дженни. — Подожди, подожди... Мне нужно... Сейчас, сейчас... — Она скинула с ноги туфельку, выудила из-под стельки крошечный паке-тик. — Хочешь попробовать?

— Что это?...

— Это сказка. — Она высыпала в его руку несколько кристаллообразных крупинок. — По сравнению с этим все остальное — детское питание, корнфлекс с молоком...

— Ненавижу корнфлекс. — Мухамед не сводил с девушки замутненного взгляда.

Он бросил крупинки в рот, запрокинул голову, как это делают, принимая таблетку.

— Это кайф... кайф... кайф... — шептала Дженни, впиваясь губами в его смуглую шею. — Ты ощущаешь его?...

Мухамед хотел ответить, но не смог. Его руки безвольно повисли, дыхание почти замерло, а облик Дженни застлало плотной сизо-малиновой дымкой.

Начальник службы безопасности, бородатый детина по имени Али, отыскал Махлюфа-старшего у самой дальней лунки на поле для гольфа. Прикрыв правый глаз, Ясер старательно прицеливался желобком клюшки в самую серединку шара.

Али знал, что беспокоить босса во время игры в гольф — значит обречь себя на большие неприятности. Впрочем, он также знал, что, если не сообщить Ясеру немедленно о случившемся, неприятностей вряд ли станет меньше...

— Кажется, у нас возникла проблема... — неуверенным голосом проговорил начальник охраны.

Махлюф-старший не реагировал на эту реплику до тех пор, пока не запустил шар в кусты.

— Шайтан тебя побери! — набросился он на Али. — Сколько раз тебе говорить: не лезь под руку!

— У нас проблема, — настойчиво повторил бородач.

Ясер невольно перехватил его беспокойный взгляд, и клюшка сама вывалилась из руки.

Требования шантажистов были просты — в течение продолжающегося банковского дня перевести на их счет четыре миллиона американских долларов. После этого Мухамед Махлюф будет освобожден целым и невредимым. А иначе... следовал устрашающий перечень изощренных пыток, в конечном счете приводящих к мучительной смерти.

Сообщение об этом поступило по телефону в информационный центр по связям с общественностью. Речь продолжалась двадцать девять секунд, засечь абонента не удалось.

— Это чья-то шутка? — Ясер с надеждой и мольбой смотрел на начальника службы безопасности. — Скажи, шутка?

— Не знаю, — честно признался Али.

Связались с Лондоном. Выяснилось, что юноша не ночевал дома и до сих пор его местонахождение неизвестно.

— Соедините меня со Скотленд-Ярдом, — распорядился Ясер.

Банковский день заканчивался через четыре часа. За это время своими силами было невозможно определить, кому именно принадлежал названный злоумышленниками банковский счет. Известно было лишь название банка и то, что находился он в Швейцарии. А тайна вклада в этой тихой европейской стране — понятие святое.

Скотленд-Ярд уже начал оперативное расследование на месте. Сам Махлюф обнаружен не был, а вот машину его нашли на обочине шоссе, которое ведет из Лондона в Бирмингем. Признаков борьбы и следов крови в салоне автомобиля не было. Все телохранители отравлены огромными дозами снотворного, подсыпанного неизвестными в пиво ночного паба. Хозяина паба допрашивали непрерывно, но он ничего не знал.

— Наши действия? — не смея поднять глаза на босса, спросил Али.

— Переведите деньги.

Почему шантажисты потребовали именно четыре миллиона, а, скажем, не пять, не три или не сто сорок восемь — это обстоятельство до определенного момента никого не смущало. Впрочем, «определенный момент» наступил очень скоро, и Махлюфу-старшему стало очевидно, что это только начало кем-то задуманной дьявольской игры.

— Я только что получил этот документ из Скотленд-Ярда. — Али положил на стол перед Ясером бумажный лист, испещренный столбцами цифр. — Сыщики сработали супероперативно. Они нажали на президента того самого банка, сказали, что это дело государственной важности, и выяснили, что... Вы не поверите... Дело в том, что счет, на который мы перечислили деньги...

— Ну? — сгорал от нетерпения Махлюф-старший.

— ...принадлежит вам. Вернее, одному из дочерних предприятий вашего концерна.

— Не понимаю... — потрясенно закачал головой Ясер. — Кто-то из своих?

— Вполне возможно... — пожал плечами Али.

— Найди его! — Махлюф вцепился в лацканы его пиджака. — За такие шутки ему голову оторвать мало!

— Кроме головы существуют еще некоторые жизненно важные органы, — осторожно намекнул Али.

— Вот-вот, я отрежу ему яйца! — подхватил намек Ясер. — Я назначу его главным евнухом в моем гареме!..

На душе полегчало. Все сводилось к тому, что это была всего лишь чья-то злая проказа или желание причинить острую моральную боль. У семьи Махлюфа было много врагов, среди них и достаточно могущественные, но вряд ли кто-нибудь из них решился объявить ему таким образом открытую войну. Значит, месть? Месть труса, который боится назвать свое имя. И этим трусом должен быть кто-то из бывших «своих»... Но почему бывших?

«Нельзя никому доверять, — решил Ясер. — Ни-ко-му, даже собственной охране, даже самым приближенным людям!..»

Незнакомец вновь дал о себе знать только через неделю. За этот короткий срок голова Ясера наполовину окрасилась в серебристый цвет. От его сына не было ни слуху ни духу... Он исчез.

— Я хочу поговорить лично с Ясером Махлюфом.

— Да-да, я слушаю...

— Старая, вонючая свинья, какого черта ты травмишь на нас легавых? Разве мы тебя не предупреждали на этот счет?

Никогда в жизни Махлюфа-старшего не называли «старой, вонючей свиньей», но он стерпел, не взорвался, проглотил унижение.

— Что вы от меня хотите? — простонал Ясер. — Где мой сын?

— Заткнись, обрезанный член!.. — рявкнули ему в ответ. — Слушай меня внимательно, повторять не стану. Хочешь, чтобы твой выродок остался жив? Тогда делай то, что я тебе сейчас скажу. Во-первых, отзови легавых. Мы можем легко это проверить, у нас в Скотленд-Ярде есть свои люди, так что забудь про свои восточные хитрости. Во-вторых...

В кабинет по-кошачьи тихо вошел Али и показал жестами, что перехватить звонок никак не удастся. Вероятно, на другом конце провода стоит какая-то хитрая аппаратура.

А Махлюф-старший уже начал задыхаться, в нем пробудилась задремавшая было астма. Он наивно надеялся, что вот-вот узнает этот голос, сможет разоблачить дерзкого шантажиста, но...

— Во-вторых, даем тебе сутки, чтобы обналичить десять миллионов долларов. В третьих, завтра же ты вылетаешь в Лондон. Один. Никаких телохранителей, никакой прислуги.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Ясер. — Вы знаете, что такое десять миллионов долларов наличными? Это два чемодана!..

— Тебе видней, богатенький Пиноккио, — гнусаво захихикал голос. — Потаскаешь чемоданчики, погоняешь жирок. Это полезно, папаша... Ты слышишь меня?

— Слышу...

— Тут один молодой человек хочет с тобой поболтать. Только недолго, ладненько? Два слова.

— Отец... — В трубке раздался приглушенный голос Мухамеда. — Прости меня, отец...

Перед самым отлетом между Ясером и Али состоялась обстоятельная беседа один на один, прямо на взлетной полосе, под визг пропеллеров. Уж там-то их точно никто не мог подслушать.

— Позвольте хотя бы мне поехать с вами!.. — настаивал начальник службы безопасности. — Я не имею права отпускать вас одного!..

— Почему одного? Со мной Аллах!.. — пытался отшучиваться Махлюф-старший, но в следующий момент его лицо превратилось в серую каменную маску. — Не смей предпринимать каких-либо шагов, не смей!.. Я тебя знаю!..

— Ваше слово для меня — приказ, — покорно поклонился Али. — И все же я осмелюсь высказать одно предположение. Не предположение даже, скорей, догадка.

— Ну-ну?...

— Известны случаи, когда дети богатых родителей инсценируют собственное похищение, чтобы вытребовать...

— Не смей говорить такое о моем сыне!.. — завизжал Ясер. — Он получал от меня достаточно денег!.. Более чем достаточно!..

— К тому же он мог знать номера банковских счетов...

— Не верю!.. — отмахнулся от него Махлюф. — Он не такой!.. Не такой!..

— Быть может, вы и мне уже не верите?

Ясер не ответил. Резко повернулся и зашагал к трапу.

Самолет скрылся в тревожных предгрозовых облаках, неся на своем борту Ясера Махлюфа и два набитых сотенными купюрами чемодана.

А еще через двадцать минут вслед за своим боссом вылетел и Али. Он так и не смог заставить себя наблюдать за этой критической ситуацией со стороны, он должен был прикрыть Ясера, позаботиться о его безопасности.

Разумеется, Али поставил Скотленд-Ярд в известность о скором прибытии эмира-миллиардера в столицу Великобритании и о том, что тот опасается иметь связь с полицией. И когда Ясер приземлился в Хитроу, его уже ждало наружное наблюдение. Двадцать опытейших агентов, незаметно сливаясь с людской толпой, взяли его в плотное кольцо...

Ясер в точности исполнял план, полученный от вымогателей по телефону. Он добрался на такси от аэропорта до отеля «Холидей Инн», занял забронированный для него двухкомнатный номер люкс в пентхаусе.

Слежки Махлюф не заметил. Да он и не смотрел по сторонам, сосредоточив все внимание на драгоценных чемоданах.

Едва он закрыл за собой дверь номера, как в спальне затрещивил телефон.

— С приездом, пузатый, — приветствовал его «родной» голос. — Чемоданчики-то тяжелые? Хе-хе... Ты один?

— Один.

— А те двое, что увязались за тобой от самого аэропорта, а теперь околачиваются на углу?

— Я не знаю, о чем вы говорите!..

Ясер приблизился к окну, сдвинул в сторону тяжелую занавеску. На углу, недалеко от остановки рейсового автобуса, действительно стояли двое невзрачных мужчин и о чем-то переговаривались.

— Не нравится нам это... — занервничал голос. — Ты хитришь, жучище... Играть с нам вздумал?

— Клянусь Аллахом, я прибыл в Лондон без охраны, а полиции дал отбой еще позавчера! Я совершенно один!

— А если я тебе скажу, что отель оцеплен копами со всех сторон?

— Этого не может быть!..

— А ты выгляни в коридор. Наверняка там болтается пара легавых. Если так, то передай им, что малыш Мухамед собирается скушать сладенькую конфетку, напичканную циа-нистым калием. Очень вкусную конфетку!..

— Зачем вы издеваетесь надо мной? — вскричал Ясер. — Какое зло я вам причинил?

— Кто-то рождается бедным, а кто-то богатым, — наставительно заметил голос. — Богатые не любят бедных, а бедные ненавидят богатых. Вот и все. Только лишь на этих принципах строится общество, движется вперед мировой прогресс.

— Отдайте сына...

— Короче, планы немножечко поменялись. Сейчас ты выйдешь на улицу, пройдешь несколько шагов в сторону бакалеи. Видишь вывеску?

— Вижу... Зеленая такая, с рогаиком?

— Точно. Так вот, там увидишь ступеньки. Это станция метро. Спустишься на платформу и будешь ждать в том месте, где останавливается первый вагон в сторону Сити. А теперь слушай внимательно. В девятнадцать пятьдесят две подойдет твой поезд... Смотри, не перепутай! Девятнадцать пятьдесят две!..

— Да-да, я запомнил.

— Ты в него не садишься, а лишь закидываешь внутрь чемоданы.

— Дальше?

— А дальше получаешь своего выродка.

— Не понимаю...

— Там поймешь. — В трубке щелкнуло, и наступила тишина.

Ясер взглянул на часы. Без двадцати восемь! Осталось двенадцать минут!..

Не дожидаясь лифта, он пулей слетел по лестнице в холл, по пути чуть не сбив двух широкоплечих «постояльцев». Конечно же станция метро уже была заполнена копами в штатском, они искусно изображали из себя торопящихся пассажиров.

...Али сидел в припаркованном у бакалеи микроавтобусе с затуманенными стеклами. Рядом с ним находился тридцатилетний Брайан Спенсер, шеф отдела по борьбе с терроризмом. Они не сводили глаз с четырех мутноватых экранов, на которые подавалось телеизображение со скрытых телекамер, установленных на станции. Эта новинка влетела Скотленд-Ярду в копейчку, но они надеялись получить от богатого клиента компенсацию.

Вот Ясер вышел на платформу, огляделся, обнаружил схему, по которой определил, в какую сторону Сити, и остановился у предполагаемого первого вагона.

— Как думаешь, нас засекли? — спросил Али.

— Вряд ли, — ответил Спенсер. — Мои ребята работали тихо, без проколов.

— А что с поездом?

— Трое уже на месте.

В девятнадцать пятьдесят две подкатил поезд. Ясер вошел на негнущихся ногах в полупустой вагон. Поставил чемоданы на пол и вышел. Двери закрылись. Поезд отъехал.

Теперь Махлюфу должны были вернуть сына. Правда, с каждой минутой в это верилось все меньше и меньше. Скорей всего, его и на этот раз обманули. Получив десять миллионов, вымогатели не остановятся, они захотят еще и еще... Прав был Али, когда утверждал, что нельзя идти на поводу у шантажистов, что общение с ними ни к чему хорошему не приведет.

И вдруг!..

— Папа!

Ясер невольно вздрогнул, медленно. Его не обманули...

— Сынок!!!

Поезд уже приближался к следующей станции, а к чемоданам так никто и не прикасался. Редкие пассажиры опасливо смотрели в их сторону и на всякий случай пересаживались в дальний конец вагона. Возбужденным шепотом высказывались разные предположения:

— А вдруг там бомба?

— Бросьте, что за вздор! Это какой-нибудь сумасшедший или шутник. Схватил вещи своего друга и...

— Или шотландец. Все шотландцы идиоты.

— Но-но! Я попросил бы! У меня отец родом из Глазго!..

— Ой, извините... Ничего личного.

— Я только что из церкви. Я молился. Меня нельзя убивать.

Если бы они знали, что на самом деле было в чемоданах...

Двери открылись, и вагон мигом опустел. Остались лишь двое мужчин и одна женщина — агенты Скотленд-Ярда.

— Тут что-то не то, — растерянно сказал один из них.

И в следующий миг до них донесся странный гул. Поначалу приглушенный, он вскоре превратился в звенящий грохот. Затряслись стекла. Из тоннеля вылетели клубы черного дыма...

...— Сынок!!!

Ясер раскинул руки, побежал навстречу Мухамеду. У него даже не было сил улыбаться, а лицо свела страшная судорога.

— Не подходи ко мне... Не подходи... Не подходи... — отстраняясь, лепетал парень.

На Махлюфа нельзя было смотреть без слез и содрогания. Паренек буквально иссох, словно из него высосали все соки. Он и так был невысоким, а теперь походил на сторбленного старичка-лилипута. Его черные ввалившиеся глаза истерично вздрагивали, а тонкие руки со вздутыми прожилками синих вен запахивали воротник уродливого осеннего плаща, будто старались что-то скрыть за пазухой.

— Ты боишься моего гнева? — прошептал Ясер. — Ты думаешь, что я буду ругать тебя?

— Не надо... — Мухамед продолжал пятиться.

— Глупый, не бойся... Ты ни в чем не виноват... Это все я... я... О! Всевышний, что они сделали с моим мальчиком?...

— Отец, у меня... У меня... — Махлюф распахнул плащ.

На его талии туго сидел кожаный ремень, к которому проволокой были прикручены продолговатые пластиковые коробочки...

— Это он! — вскричал Али, указывая пальцем в правый нижний угол экрана. — Он!! Он!!!

— Есть контакт! — Спенсер поднес к губам переговорное устройство. — Прикройте их! И выводите! Выводите немедленно!

Сыщики, прилипшие к голубоватым экранам, увидели все, что происходило в последующие несколько секунд.

Ясер крепко обнимает Мухамеда, но в тот же момент отшатывается. Парень широко открывает рот, что-то кричит, с силой отталкивает отца. Ясер падает, неуклюже поднимается. Тем временем Мухамед быстро идет к лестнице, но его останавливают агенты в штатском. Он им что-то объясняет. Размахивает руками. К ним подбегает Ясер, набрасывается с кулаками на одного из агентов. Его оттаскивают, предъявляют удостоверения.

И вот наступает момент, когда все находятся в паническом замешательстве. Десять человек, но никто из них не знает, что делать. Все будто что-то ждут друг от друга. Надеются, что кто-то вдруг найдет гениальное решение.

Наконец семеро бросаются разгонять зевак, которые потихоньку сходятся в полукруг.

Остальные трое укладывают парня на пол. Склоняются над ним. Колдуют. Ясер стоит рядом и смотрит бессмысленно куда-то в сторону.

До зевак наконец доходит, что произошло. Они кидаются врассыпную. Но поздно...

Из груди Мухамеда вырывается ярко-желтая вспышка, обрамленная снопом искрящегося бисера, а вслед за ней взлетает ввысь бурый огненный столб.

Мутные экраны почернели. Срыв изображения...

На следующее утро, пятнадцатого января 1953 года, на первой странице газеты «Дейли миррор» появилась коротенькая заметка, основанная на сообщении анонимного источника. В ней говорилось, что ответственность за взрыв в лондонской подземке, в результате которого погибли двадцать семь человек, а еще четверо получили тяжелые ранения, взяла на себя сионистская организация «Воины Моисея»...

Московским газетам было сначала предписано подробно перепечатать статьи английских корреспондентов — как раз в разгаре была кампания против «космополитов», но потом этот приказ был срочно отменен.

Только самые дотошные газетные волки понимали — уши торчат из ведомства на Лубянке, но даже они не могли представить себе, что именно бериевские «соколы» устроили весь этот кошмар.

И снова акт был направлен против корпорации «Марс», которая как раз и закупала алмазы у несчастного отца несчастного сына.

Глава 4

Москва, 1953

Еще в момент ареста с него сняли пенсне, и он теперь страшно страдал из-за того, что почти не различал лиц своих охранников, следователей, судей. Правда, он помнил их голоса еще с тех пор, когда они мышками вползали в его кабинет, потели от страха, стучали зубами и заикались от одного его хмурого вида. Наверное, они сняли пенсне нарочно, чтобы он не видел неистребимого страха в глубине их глаз. Такой страх не пропадает. Такой страх на всю жизнь. Даже если хозяин становится рабом, а раб мнит себя хозяином.

Его изощренный ум строил абсурдные картинки, в которых охранники, следователи и судьи специально говорили чужими голосами. Входит кто-то, а другой прячется за портьеру или за дверь и оттуда по микрофону задает вопросы и матерится. Но его-то не проведешь. Он запоминал все голоса, он раскладывал их по полочкам, он-то и выведет их на чистую воду потом, когда эта комедия кончится.

А в том, что это кончится, он был уверен абсолютно. Нет, его арест и вся эта жалкая пародия на следствие и суд не могли быть всерьез. Он слишком важная фигура, чтобы его можно было вот так просто взять за шиворот, кинуть за решетку, вызывать по ночам в кабинет, светить в глаза лампой, кричать, стучать кулаком и обзывать палачом.

Они задавали ему совершенно дурацкие вопросы. Например, за что он расстреливал верных ленинцев? Зачем затеял дело врачей-отравителей? Не он ли убил «отца народов»?

Впрочем, это были не такие уж дурацкие вопросы. Его следователи как бы сами открещивались от расстрелов, как бы все сводили к нему, использовали его, как мочало, смывая кровь с самих себя.

Ну пусть потешатся. Когда вся эта комедия кончится, он припомнит им все. Нет, он будет справедлив, насколько это возможно в его положении. Вот тот шепелявый, который обращается к нему на «вы» и иногда даже говорит ему «товарищ», его он расстреляет на следующий же день. А вон тот сухогорлый, который ухитряется между своими кашлями еще и орать матом, называть его сукой и подонком, который вдруг стал шить ему связь с английской и американской разведками, этот у него поживет. Но как! Пытать его будут месяц. Нет, полгода. Даже год!

Он покажет ему, как надо допрашивать истинных врагов народа. Сухогорлый будет у него жрать собственное дерьмо и считать это за счастье.

Надо будет придумать что-нибудь специальное, остроумное для него. Это всегда интереснее, чем просто лупить почем зря. Он всегда придумывал что-нибудь этакое. Помнится, одному грузинскому композитору, который услышал его переговоры шепотом из другого конца комнаты — тонкий слух у него, видишь ли, — он приказал забить в уши гвозди. Это сделал какой-то лейтенантик по его приказу. Как музыкантишко визжал тогда...

А эта мелочевка, которая теперь его мучает вопросами, думает, что пришло ее время? Идиоты! Их время никогда не придет, потому что они живут наполовину. А он жил до упора. Если пользоваться баб, так всех подряд. Если убивать, то так, чтобы никто не попрекнул в жалости. Чтобы вообще на человеке живого места не осталось — одна смерть.

Но первыми он возьмет, конечно, Хруща и Гришку Жукова. Для них он уже давно все придумал. С Хрущом будет смешно — набить ему пузо чем-нибудь, как рождественскому гусю... А с Гришкой будет интересно. Мужик сильный. Таких особенно приятно ломать. Что-нибудь несусветное учинить, чтобы он в животное превратился, а тогда из него по-ле-зет...

И все-таки без пенсне плохо. Он ведь долго придумывал, как глаза свои прикрыть. Очки ненавидел. Как попадался ему интеллигентишка в очках, так он первым делом их с носа хватал и об пол ногой. Правда, пенсне тоже попадались, но редко. Их он не давил каблуком. Коллек-

ционировал. Потому что видел за этими смешными стекляшками невероятный изыск. А ведь он тоже изысканный человек. И со вкусом у него все в порядке, и с фантазией, и с образованностью. Вот он и выбрал пенсне.

На минуту возникла мысль: а вдруг в самом деле пристрелят?

Но он тут же оттолкнул ее — нет, не посмеют, он слишком много знает. Такое знает, что все государство обрушится без него. А потом, его верные люди уже на подходе. Честно говоря, они давно бы уже должны были выручить. Когда наконец это случится, он их тоже расстреляет, чтоб больше не мешкали так долго.

И все-таки мысль о смерти немного пугала. Поэтому, когда скрипнула дверь и вошел кто-то тихий и произнес:

— Добрый вечер, Лаврентий Павлович, — ему стало не по себе.

Он не узнал голоса. Но сразу понял, что разговор пойдет о главном. Попытаются сейчас вытянуть из него то, что только и держит его на этом свете, — бериевские тайны тайн, бериевские варианты будущего. Выдай он их, шлепнут его без зазрения совести. Но их-то он как раз и не выдаст.

— Как здоровье, товарищ Берия? — снова спросил осторожный голос.

— Х...во, — зло ответил узник.

— Что так?

Нет, где-то он этот голос слышал. Но где?

— А тебя, б..., посадить в подвал и пытаться каждый вечер, какое у тебя будет здоровье, а?

— Неужели пытаются?

— Нет, ж... лижут!

— Электроток? Уколы? Что-то я синяков и ран не вижу.

— А тебе только бы физическая боль? — Где он слышал этот голос? — Думаешь, когда душу травят, гордость топчут, совесть марают — это не пытка?

— Пытка, ужасная пытка.

— Слушай, как тебя там?...

— Это не важно. Я вам пенсне принес.

Он поспешно схватил свои стекляшки и нацепил на нос: сухой, белобрысый, осторожный, глаза водянистые. Где же он его видел?

— Что это ты так мягко стелешь?

— А мы с вами читать будем.

— Сказку? — насторожился Берия.

— Нет, документы кое-какие.

— А сам не умеешь читать?

— Между строк — нет. А вы мне как раз между строк и прочтете.

И белобрысый положил перед Берией на стол папочку с большой буквой «К» на обложке. Эту папку Берия узнал бы из миллиона. Он сам вырисовывал букву тушью. Эта папка и была одной из самых тайных тайн. Может быть, самой важной.

Берия вынул из кармана платок и медленно протер стекла пенсне.

— А больше ты ничего не хочешь? — спросил он, криво усмехнувшись.

— Нет, — честно ответил белобрысый.

— Тогда пососи мою... Об этой папочке ты не знаешь, понял?

— Почему?

— Потому! — остроумно ответил Берия. — Не дорос, говнюк.

— Грустно, — сказал белобрысый. — Я думал, вы хотите еще пожить.

Он взял папку со стола, повернулся и шагнул к двери.

— Стоять! — крикнул Берия. — Что ты сказал, сучонок?

— Я сказал, что вас приговорили к расстрелу. Я хотел вас спасти. Но, видно, вы жить не хотите.

Стекла пенсне покрылись туманом. Берия загнанно оглянулся на зарешеченное окно.

— А! — догадался белокрысый. — Вы думаете, вас кто-нибудь выручит? Дупель-пусто. Части НКВД разоружены. По московским туалетах валяются трупы чекистов, которые пустили себе пулю в лоб. Никто вас не выручит, Лаврентий Павлович. А мне вы не позволяете.

— Ты хитрый, да? Ты думаешь, я не понимаю, что, если я тебе раскрою секреты этой папочки, меня расстреляют через минуту. Я сам когда-то так колол врагов народа. Я им обещал жизнь...

— Именно поэтому я не стал бы вас обманывать, — пожал плечами белокрысый.

— А где гарантии?

— Ваши знания и есть ваша гарантия. Ведь этой папочкой ваши знания не ограничиваются, я думаю.

— Конечно нет.

— Вот вам и гарантии.

Берия набычился. Нет, слишком опасно. Эти сбрышут — недорого возьмут.

— Ничего я тебе не скажу.

— Ну что ж, если смерть вас не пугает...

— Не пугает! — выкрикнул Берия.

Белокрысый положил папочку снова на стол и вдруг со всего размаху влепил Берии звонкую пощечину.

Пенсне не разбилось, а вот из носа потекла юшка. И это было больно. И еще обидно.

Берия закрыл лицо руками, жалобно застонал.

— Ну? — спросил белокрысый хнычущего Берия.

— А ты мне обещаешь, что я буду жить? Я знаю еще много секретов.

— Я же сказал, — устало проговорил тот.

— Ты брышешь, сука!

Белокрысый ударил Берия в ухо.

— Не бей! Не надо! — взмолился Берия. — Я все скажу, только поклянись, что я останусь жить.

— Клянусь под девизом вождей Ленина и Сталина.

Берии слышалась ирония, но он отбросил свои подозрения, потому что боялся, что белокрысый снова ударит его.

Он схватил папку и раскрыл ее.

— Эта операция называется «Кристалл», — поспешно сказал он.

— Слушаю, слушаю... — Белокрысый сел и стал записывать за Берией...

«Где я его видел?» — думал Берия, когда белокрысый ушел. Он выложил белокрысому почти все о своем варианте операции «Кристалл». Кое-что оставил, конечно, про запас, на всякий случай. Может быть, и самое главное.

Мои ребята изучали гипноз, Мессинга даже подключили. Кое-что из этого интересное получилось. Пока не знаю, как назвать, но штука страшная — а казалось бы, обыкновенные слова...

Берия самодовольно потер руки. Тут работать и работать — можно создать целую армию абсолютно послушных, подчиняющихся только его воле людей. И стоит ему сказать... Нет, кодовые слова он даже в мыслях не будет произносить. Ну вот, оказывается, не все потеряно, даже если его не выручат. Знания — сила. А его знаний было на очень много силы.

Он уже стал засыпать, когда дверь гауптвахты снова раскрылась.

— Подсудимый Берия, встаньте, — скомандовал твердый голос.

Берия вскочил. Пенсне никак не хотело сидеть на носу.

— Именем Союза Советских Социалистических Республик вы приговариваетесь к высшей мере...

— Нет! — завизжал Берия, наивно веря, что если он не даст вымолвить слово «расстрел», то останется жить.

— ...Приговор привести в исполнение немедленно, — закончил читать твердый голос. Берию скрутили, завязали полотенцем глаза и потащили по коридору.

— Я еще не все рассказал! Я еще много знаю! Вы не смеете! Это важно для государства! — кричал Берия, тычась в суконные плечи военных. — Простите меня, я больше не буду! Я вам раскрою все секреты!

— А с нас одного достаточно, — шепнул вдруг ему на ухо осторожный голос белобрысого.

И только тут он его вспомнил. Это был как раз тот самый лейтенантик, который забивал гвозди в уши композитора.

Берия дико взвыл. Его обманули, обдурили, надули, как мальчишку, как девку облапошили и бросили.

— Я знаю тебя! — хотел выкрикнуть Берия, но в его звание вдруг ударились пистолетная пуля, намотала на свои бока мозговую ткань и, вылетев из затылка, разбрызгала их по белой стене подвала...

— Чего это он про секреты кричал? — спросил кто-то из генералов, когда труп Берии вытаскивали из подвала.

— Жить захочешь, не то скажешь, — ответил ему другой генерал и пригладил белые волосы...

Глава 5

Германия, Мангейм, база НАТО

— Ну, что он там так долго? Марио, чего ты молчишь?

— Да я не вижу ни фиги через эту трубу. На, сам посмотри. — Марио Гарджулло, молодой брюнет в черной спецформе протянул винтовку с оптическим прицелом лежащему рядом парню. — Только не шурши, Джорж, умоляю.

— Меня зовут Георгий, — поправил тот, припав к визиру. — Сам не шурши.

Охранник на КП не спеша листал документы, то и дело бросая плотоядные взгляды на шикарную блондинку, повисшую на плече пьяненького солдата.

— Быстрее, быстрее, — тихо шептал Марио, то и дело поглядывая на пульсирующие цифры электронных часов. — Завалим все на едреную феню.

— К едрене фене, если на то пошло, — опять поправил Георгий. — Еще есть десять минут.

Постовой наконец открыл ворота и пропустил парочку, что-то шепнув блондинке на ухо.

— Да! Уи! Йес! Яа! Си! Готово, — радостно прошептал Георгий.

— Попробуй угадать, что ей этот постовой предложил, — хихикнул Марио. Но через секунду улыбка слетела с его лица. Стараясь не потревожить ветви кустарника, он быстро заряжал пневматическое ружье.

— Восемь с половиной, — тихо отметил Георгий, посмотрев на часы. — Вижу Джека и Колю у периметра... Если эта обезьяна Кати опять напортачит, я ее своими руками придушу.

Солдатик выписывал пьяные виражи, пока не завернул за угол ангара. Но там вдруг выпрямился и облегченно вздохнул. «Хмель» как рукой сняло. Скинув с плеча блондинку, он стал быстро расстегивать китель, под которым оказалась черная форма, точно такая же, как и у снайперов.

— Рита, ну чего ты стоишь, переодевайся.

— Меня зовут Марго. — Блондинка очнулась от оцепенения и принялась стягивать с себя узкое трикотажное платье. — Ох, Витя, как же я эти шпильки ненавижу, кто бы знал... — Она вытряхнула из сумочки свой черный камуфляж. — Время?

— Семь с половиной. — Витя связал обмундирование в узел, швырнул на крышу и огляделся. — Все, разбегаемся.

— Удачи тебе. — Марго оглянулась, но ее спутник уже растворился в темноте. — Как же, дождешься от него доброго слова.

...Витя бежал по ночному городку, тесно прижимаясь к стенам длинных приземистых построек и беспрестанно оглядываясь.

— Налево, налево, потом прямо, потом направо и опять налево, — бормотал он, стараясь как можно быстрее миновать освещенные участки. — Если эта обезьяна Кати опять подведет, задавлю... Налево, еще раз налево, потом прямо...

Марго еле успела залезть на крышу. Еще немного — и ее точно заметили бы с пронесшегося мимо джипа. Прижавшись к еще теплому железу, она подождала, пока стихнет шум мотора, и только потом быстро поползла к небольшому окошку, из которого пробивался яркий свет.

— Семь минут... Семь минут. Только бы Кати не подвела.

Окно было закрыто изнутри. Там внизу был какой-то кабинет. За компьютерами сидели два офицера. Марго быстро достала из сумки сверло с длинным тонким жалом. Сверло тихо завизжало и начало плавно погружать свой стальной язык в деревянную раму.

Это был огромный грузовик. Задними колесами он стоял прямо на люке. Витя нырнул в кусты и постарался привести в порядок дыхание, одновременно напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Потом черной молнией метнулся к машине и, за семь секунд преодолев полсотни ярдов, оказался у кабины. Кошкой нырнул внутрь и уже хотел завести мотор, как вдруг за его спиной раздался шорох и послышался злой сонный голос:

— Эй, приятель, ты что делаешь в моей тачке?...

Наконец сверло прошило раму насквозь, выпустив внутрь тоненькую струйку мелкой древесной пыли. Марго выдернула его и прижалась к железу, напряженно вслушиваясь.

Кажется, тихо.

Сунув дрель в сумку, она медленно вынула из нее небольшой металлический баллон, к клапану которого была прикреплена длинная тонкая пластиковая трубка.

— Ох, ребята, как я вам завидую, — прошептала она, осторожно проталкивая трубку в маленькое отверстие, — столько кайфа, да еще бесплатно...

— Сколько там? — Георгий, продолжая шарить прицелом по КП и площади за ним, толкнул Марио в плечо.

— Пять с половиной, — тихо ответил тот, глянув на часы. — Джек и Коля уже, наверное, внутри. Ну что там?

— Все тихо. — Георгий держал в перекрестье прицела голову караульного. — Какой-то журнал смотрит. Десятку ставлю, что какая-нибудь порнушка...

... — Э-э, а ты кто? — Водитель резко схватил Виктора за шею, но тот вывернулся и так двинул ему по сонной артерии, что водитель сразу затих, мотнув головой.

— Первый прокол... — прошептал парень, поморщившись, и снял грузовик с ручного тормоза. Машина медленно покатила под уклон. Когда проехала метра три, он остановил ее и, выскочив из кабины, бросился к канализационному люку.

Люк был закрыт на три висячих замка. На каждый по десять секунд, не больше. Через полминуты все три валялись рядом. Оглядевшись по сторонам, он тихо поднял крышку и сдвинул ее в сторону.

— Вылезайте, быстро. Три с половиной минуты осталось.

Из люка вынырнули два парня с сумками и быстро побежали к клумбе с розовыми кустами. А Виктор прикрыл люк крышкой и защелкнул замки.

Газ с тихим шипением вытекал из баллона, заполняя кабинет сладковатым запахом трав. Марго приложила к лицу респиратор и внимательно наблюдала через окно за происходящим внизу. А там офицеры продолжали трещать клавиатурой компьютеров. Правда, с каждой секундой треск становился все тише и тише. Мужчины клевали носом, как школьники на скучном уроке, и скоро руки их безвольно упали со столов. Как только они затихли, за спиной Марго раздался шорох. Она инстинктивно глянула на часы.

— Это мы, Маша. Минута, правильно?

Вместо ответа девушка достала из кармана отвертку и начала быстро свинчивать раму.

— Ну где она? — нервно бормотал Марио, с трудом затапливая в ствол пневматического ружья металлическую стрелу, похожую на гарпун. — Точно ведь подведет, ну точно. Тогда все пропало, все пропало, Санта Мария дель фиоре.

— Заткнись. — Георгий пытался унять дрожь в руках. — Еще ничего не пропало. Сейчас она будет, сейчас будет.

И, словно повинувшись его словам, где-то вдали послышался рев мотора спортивного автомобиля.

— Приготовились... — Георгий снял винтовку с предохранителя.

— Зачем она так гонит? Ведь разобьется.

Постовой, казалось, не слышал никакого рева, так он был увлечен голыми девицами на глянцевах страницах журнала. Очнулся только тогда, когда из-за поворота выскочил красный

«феррари» с открытым верхом, обдав его снопом света. Постовой отложил журнал, нехотя встал и не спеша направился к воротам. Автомобиль с огромной скоростью несся прямо на него.

— Разобьется, точно разобьется, — бормотал Марио, то и дело поглядывая на почти летящий над дорогой автомобиль.

— Внимание. — Георгий сделал глубокий вдох и застыл, стараясь не думать ни о чем, кроме той мистической связи, которая всегда существует между прицелом и мишенью. — На раз-два-три. Раз.

Марио вскинул ружье. Машина была уже в двух сотнях метров от КП, но и не думала сбавлять скорость. Постовой занервничал.

— Два.

Марио подумал, что нужно было бы вытереть пот со лба, но уже поздно. Постовой попятился, схватившись за свисток, висевший на груди.

В самый последний момент машина вдруг резко затормозила, вильнула передом и, потеряв равновесие, перевернулась на бок.

— Три!

Два тихих хлопка потонули в ужасном грохоте корежащегося железа. Гарпун со струнным звоном вонзился в бетонную стену ангара за забором, а пуля улетела в темное ночное небо, по пути перерубив пополам телефонный провод на столбе.

Перевернувшись несколько раз, машина замерла на дороге в каком-то метре от солдата. Только колеса по инерции продолжали вращаться.

Последний шуруп был уже почти вывернут, когда Виктор вдруг схватил Марго за руку и зло прошептал:

— Дура, она же вниз свалится!

— Ой! — Девушка побледнела и начала быстро рыться в сумке. — А я и забыла.

Быстро выудила оттуда вакуумную присоску и прикрепила к стеклу. Через три поворота шуруп выпал, и рама повисла на веревке. Сладковатый запах газа ударил в нос. Все быстро надели респираторы.

— Опускай. — Виктор нажал на таймер, и на часах возникла новая позиция — пятнадцать минут. Секунды быстро начали отматывать обратный счет.

— Джек, потом Коля, потом я. Маша прикрывает.

— Меня зовут Марго, — в который раз обиженно поправила девушка.

Но ее никто не слушал. Парни один за другим быстро спускались в кабинет.

— Пошел, пошел, быстрее! — бормотал Георгий, держа на прицеле постового, который в нерешительности застыл перед разбитым автомобилем.

Марио лихорадочно натягивал тонкий стальной трос, одним концом прикрепленный к гарпуну, а вторым — к дереву. Когда трос натянулся струной, парень тихо щелкнул карабином и, быстро перебирая руками, поплыл по воздуху в метре от забора.

Постовой наконец решился подойти к машине. Нагнулся, заглянул в салон и испуганно спросил:

— Эй, приятель, ты жив?

Из машины раздался женский стон.

— Все нормально, — облегченно вздохнул Георгий и опустил винтовку.

Постовой никак не мог вытащить молоденькую чернокожую девушку из автомобиля, который вот-вот взорвется. Он и не заметил, как над его головой проплыли два черных силуэта.

Негритянка тихо постанывала. Лицо ее было в крови.

— Что же вы, мэм, — кряхтел солдат. — Не следовало вам садиться за руль, так нагружившись. Хорошо, хоть живы остались. Но ничего. Сейчас я позвоню, и наш врач посмотрит, что с вами стряслось.

Он даже не заметил, как что-то легонько кольнуло его в плечо. Через пару шагов он споткнулся, упал, а подняться уже не смог.

— Ну что там? — Марго то и дело заглядывала в окошко. — Долго еще?

Ей никто не отвечал, потому что каждый занимался своим делом. Джек Фрэнки, красивый брюнет с фигурой гладиатора, достал из сумки ноутбук и быстро коммутировал его с компьютером. Виктор оттащил офицеров от столов и теперь снимал копии с удостоверений их личности, а Николай напигивывал телефоны и розетки записывающими устройствами.

— Есть! — радостно воскликнул Джек, когда на экране ноутбука появилось мерцающее изображение эмблемы американских вооруженных сил. — Врубился. Только бы Гоша с Марио успели. Время?

— Одиннадцать минут, — машинально ответил Виктор, перезаряжая кассету с пленкой.

Вынув из кармана дискету, Джек сунул ее в дисковод и стал ждать, напряженно барабанив пальцами по столу. Потом схватился за пуговицу и начал ее вертеть.

Крышка слетела с пакетника, и Марио швырнул ее на траву.

— Так, где это у нас? — пробормотал он, светя маленьким фонариком на схему. — Третий регистр, потом красный провод.

Георгий глазел по сторонам, прижавшись к стене. Когда из дальней казармы вышли трое и направились в их сторону, он тихонько щелкнул языком и вскинул винтовку. Марио метнулся в кусты.

Три хлопка последовали один за другим. Все трое упали. Один попытался встать, но Георгий нажал на курок, и солдат остался лежать.

— Прокол, — вздохнул Марио и опять принялся копаться в сплетении проводов и схем. Наконец аккуратно вытащил из гнезда нужный регистр и достал кусачки.

Георгий тем временем оттащил всех троих в кусты.

— Ну, надеюсь, что не ошибся. — Марио перекусил провод...

Экран ноутбука на секунду погас и загорелся снова.

— Есть, от сети отделили. — Джек начал щелкать клавиатурой. — Так, тут у нас ловушечка, сюда мы не полезем, — тихо бормотал он, бегая курсором по файлам и директориям. — Что же они, хорошего программиста прикупить не могли... Этот глупый тупичок мы легко обойдем... Вот!

— Ну что там? — Виктор заглянул через его плечо. — Долго еще?

— Минут восемь, не больше.

— А быстрее?

— Это ты ему скажи. — Марио кивнул на компьютер. — Он быстрее информацию не скидывает.

— Они же через восемь минут уже проснутся, — кивнул Виктор на офицеров.

— Успеем.

Через шесть минут офицеры начали шевелиться. Парни быстро подкатили их к столам, а сами удалились. В кабинете остался только Джек. Впившись глазами в экран, он прикрепил карабин на поясе к тросу и схватился за провода. Как только последний файл перетек из одного компьютера в другой, выдернул все шнуры.

И в это время один из офицеров открыл глаза. Сладко потянулся и зевнул, даже не обратив внимания на то, как перед носом его мелькнули два черных ботинка на мягкой подошве.

— Боб, а я, кажется, заснул, — пробормотал офицер и принялся щелкать клавиатурой.

— Оно и неудивительно. Сидим тут неподвижно по восемь часов в день, прямо крысы подвальные.

Марго быстро завинтила раму, и все двинулись по крыше к дальнему углу здания.

— Я думал, он нас заметит, — шептал Джек, глубоко дыша, — думал, что все, конец.

— Вот выберемся, тогда радуйся, — перебил его Виктор. — Все равно первый вариант не получился. Одного я грохнул, так что к утру вычислят, что кто-то на базу пролез.

— Если не раньше, — раздался вдруг голос снизу, и все дружно схватились за пистолеты. Но на краю крыши показалась голова Георгия.

— Ты почему здесь?! — раздраженно спросил Виктор. — Ты где должен быть?

— У люка.

— А Марио где?

— Тут, внизу. Я троих грохнул, когда мы пакетник с ним работали. Так что часа через два точно вычислят.

— Что?... Быстро всем на выход! — рявкнул он и прыгнул с крыши.

Они бежали к люку. К тому самому канализационному люку, через который проникли на территорию базы Джек и Николай.

— Быстро, быстро! — то и дело понукал Виктор, озираясь.

— Стой, кто идет!

Это крикнули откуда-то сзади. Марго отреагировала первой. Выхватила пистолет с глушителем и выстрелила, почти не целясь. Пуля попала офицеру прямо в голову. Голова просто взорвалась, как спелый арбуз.

— Готов... — машинально среагировал Георгий, полными ужаса глазами глядя на обезображенный труп, рухнувший на землю.

— Нет! — закричала вдруг Марго. — Нет, я не хотела! Что я наделала?!

Ей попытались закрыть рот, но девушка вырвалась и быстро побежала по дорожке, захлебываясь от слез и громко крича:

— Это не я! Это не я!

Ее поймали, попытались успокоить, но у Марго продолжалась истерика. Никто не обратил внимания, как загудела сирена и через несколько секунд их окружили солдаты. Только когда защелкали затворы винтовок, они очнулись и схватились за оружие. Но тут всю площадь залило ярким светом прожекторов и строгий мужской голос по динамику сказал:

— Вы убиты! Все, учение закончено, отбой.

Солдаты опустили винтовки и стали расходиться по казармам, перекидываясь шуточками.

Германия, Гармиш-Партенкирхен, закрытая база ООН

— Говорил я, что нужно было сделать наоборот — Кати взять на окно, а Марго посадить в машину! — Виктор даже вскочил со своего места, так разнервничался.

— А это абсолютно не важно, — вздохнул Питер Реддвей, мужчина двухметрового роста, с грудой мышц и необъятным животом, что придавало ему сходство с шекспировским Фальстафом, но при этом в строгом костюме и в очках в аккуратной металлической оправе. — Ошибки допустили вы все. И каждый на ее месте впал бы в панику.

Вся компания, орудовавшая на военной базе, теперь сидела за партами в просторной светлой аудитории. И можно было рассмотреть их лица и фигуры, потому что унифицированную камуфляжную форму они сменили на гражданские костюмы.

Сторонний наблюдатель никогда бы не сказал, что перед ним группа обученных до автоматизма, ловких, смелых, с мгновенной реакцией спецоперативных. Он решил бы, что здесь занимаются милые студенты какого-нибудь колледжа искусств или будущие юристы. Он, конечно, обратил бы внимание на броскую красоту Маргарет Ляффон. Длинные волнистые волосы спадали на угловатые по-девичьи плечи, фигурка у нее была что надо. Ляффон прищуривала огромные глаза, когда слушала внимательно. От этого лицо ее становилось загадочным и даже манящим.

Другой женщиной была Кати Вильсон. Если Марго светлая и спокойная, то Кати — вся в движении. Ее голова с черной копной волос а-ля Андже́ла Девис то и дело вертелась из стороны в сторону. При этом она дарила ослепительные улыбки, порой, казалось, неуместные. Но Кати была такой — открытой, непосредственной и легкой. Правда, стоило ей резко встать и вступить в спор с кем-нибудь из однокашников или с преподавателем, оказывалось, что она бывает и жесткой, и холодно-расчетливой. Но такой контраст делал ее еще более обаятельной и таинственной.

Среди парней (в составе группы не было никого старше тридцати) выделялся своей основательностью и своеобразным покровительственным отношением к остальным Георгий Мамонтов. Он был американцем русского происхождения, а его почти отцовское отношение к коллегам объяснялось тем, что в семье он был старшим среди семерых детей. Рядом с ним всегда было уютно и надежно.

Марио Гарджулло, американец итальянского происхождения, был подвижен, как ртуть. Его хитроватые глаза всегда выискивали что-нибудь смешное. И всегда находили. Ему на язычок лучше не попадаться. Впрочем, шутки его были незлобивы. А сам парень в общем-то стеснительный и даже застенчивый. Очевидно, его насмешливость была своеобразной защитой.

Джек Фрэнки все время что-то писал на своем постоянном спутнике — ноутбуке. Однокашники подозревали, что втайне парень пишет роман. Фрэнк очень смущался, когда кто-нибудь пытался заглянуть через его плечо или просил показать написанное. Вообще, он оставлял впечатление этакого увальня, хотя был подтянутым и сухопарым. Казалось, что его руки-ноги стоят не совсем на месте. Впрочем, это впечатление улетучивалось, как только Джек принимался за дело. Оказывалось, что руки-ноги очень даже на месте. А писал Джек действительно роман. Только прочесть его никто бы не смог, потому что, помимо языков, которые учили здесь спецантенты, Джек выучил мертвый язык — арамейский. И специально изобрел программу с этим языком и ввел в свой компьютер. А роман был остросюжетный, фантастический.

Питер Реддвей, пятидесятилетний полковник американской армии, руководитель спецподразделения ООН, ходил по кафедре, вертя в своих огромных руках хрупкую, тонкую указку.

— Но вы ведь сказали, что это только учения, а у него голова... — Марго опустила глаза.

— В том-то и дело! — воскликнул Реддвей. — В том-то и дело. Вы были уверены, что будете стрелять в них, и они будут падать, как кегли в кегельбане. Вот и впали в истерику, как только увидели кровь. Она, к слову сказать, была не настоящая. Мы вам просто куклу подсунули. Я так и знал, что вы на ней проколетесь. — Реддвей наконец не выдержал, и указка, хрустнув в его руках и переломившись пополам, полетела в угол, где валялось уже штук десять таких же.

— Но я думала...

— Вы не думали! — взорвался полковник. — Вы были уверены, что можете спокойно проделывать все эти кульбиты и вам ничего не грозит. Но одно дело, когда в тебя стреляют краской, и совсем другое, когда боевыми... Не говоря уже о других. Гарджулло!

— А? — Марио вздрогнул.

— Вы проверили, как закрутили крышку пакетника?

— А как? — переспросил Марио, краснея.

— Да вы ее вверх ногами присобачили.

Все дружно засмеялись, но полковнику достаточно было одного взгляда, чтобы в аудитории воцарилась мертвая тишина.

— А Георгий? — обернулся полковник к Мамонтову. — Не мог с одного выстрела уничтожить мишень. Это же курам на смех. А еще хотите называться сверхсекретными агентами-исполнителями. Да вас в любом балаганном тире догола разденут.

Полковник, конечно, преувеличивал. Он вообще имел такую склонность, когда волновался. В глубине души он прекрасно понимал, что каждый из сидящих перед ним учеников, самому старшему из которых, Джеку, было двадцать девять, стоит десяти, если не больше, секретных агентов со стажем. Но ему этого было мало. Он хотел еще большего, почти чуда. Это неправда, что чуда нельзя добиться, что оно может произойти только само. Если очень захотеть и упорно добиваться, то удачу можно обуздать и она будет служить тебе, как послушная лошадка. Только вот этих сосунков нужно гонять и гонять. Гонять до седьмого пота, до обморока. Каждый должен быть наравне со всеми, не должно быть специалистов в какой-то одной области.

Эти учения готовились очень тщательно. Заранее проводились переговоры с командованием НАТО, долго подыскивалась база, дотошно прорабатывался план засад и ловушек. И ребята серьезно прокололись на последней. Он бы и сам прокололся лет десять назад, но им этого простить не мог. Если он им простит сейчас, то они ему не простят потом. И начальство не простит, и сослуживцы, да и совесть тоже в покое не оставит.

— Солонин, вы можете назвать мне порядок, к котором лежали документы?

Виктор попытался вспомнить и, к своему стыду, не смог. Там, в кабинете, ночью это казалось совсем не важным. Но теперь...

— А порядок, в котором вы их сунули обратно, когда пересняли? Неужели не помните? ... Джек, а теперь скажи мне, где ты потерял футляр от дискеты? Случайно не забыл его прямо на столе?

Джек не нашелся что ответить. Опустил глаза и начал тереть пуговицу на куртке.

— Вот-вот. И избавляйся от привычки крутить пуговицы. — Полковник бросил футляр на стол. — Оставишь где-нибудь, и все. Ведете себя, как слоны в посудной лавке — это вас всех касается... кроме Кати. Она-то на этот раз не подвела, чисто сработала. Ладно, все свободны. — Реддвей махнул рукой. — С вами говорить — только слова зря тратить... Через два часа занятия по фальсификации документов и гриму. Вечером на лингвистике быть всем. Можете идти.

Ребята тут же вскочили и бросились вон из аудитории. Не хотелось терять ни минуты такого редкого здесь свободного времени.

Полковник начал собирать со стола бумаги и вдруг заметил, что один не ушел, а сидит и молча ждет, что-то напряженно обдумывая.

— Солонин, чего тебе?

Виктор встал и почесал затылок.

— Да я вот все думаю над тем, как мы прокололись. Хотел поговорить по этому поводу.

— Ну давай, говори. — Реддвей присел на край парты, от чего деревянная доска затрещала.

— Это ведь на самом деле очень серьезно, — начал он, стараясь подобрать нужные слова. — Я тут подумал немного, и...

— Уже хорошо. — Полковник засмеялся и хлопнул его по плечу. — Думать никогда не вредно. Только почему немного? Ты много думай, не стесняйся.

— Нет, подождите... — Солонин покраснел. — Просто у нас какая-то игра получается.

— В каком смысле? — не понял Питер.

— Ну как же... Я, например, наперед знал, что тот парень в машине ничего мне не сделает. И Марио знал, и Гоша, и все остальные. Совсем не страшно было. Поэтому и действовали весело и не прокололись нигде, пока до крови не дошло.

— Ну и? — Полковник внимательно слушал.

— А если бы в самом начале кровь была? Если бы все по-настоящему? Мне бы тот водила нож между лопаток затолкал, и все бы на этом кончилось. Я вот, например, не знаю, как повел

бы себя в боевых условиях, когда в обойме не маркеры, а боевые. Наверняка бы всех нас уложили в первую минуту.

— Ну хорошо, хорошо. — Полковник встал. — Это ведь всего-навсего учения. Как это кто-то из ваших полководцев сказал?... Тяжело в учении — легко в бою.

— Это Суворов был. — Виктор улыбнулся. — Но так мы сколько хочешь можем в войнушки играть, а толку не будет. Вернее, будет, но мало пригодится. Там ведь совсем другое.

— Да, там совсем другое. Совсем... — Полковник вздохнул. — И что же ты предлагаешь? Напасть на настоящую базу?

— Нет.

— А что тогда?

Виктор посмотрел на учителя и тихо сказал:

— Я предлагаю, если это, конечно, возможно, отправить нас куда-нибудь в горячую точку. Не одних, а с какой-нибудь группой. Мы и в реальных условиях побываем, и будет кому нас корректировать, если потребуется. Просто подключить нас к какой-нибудь операции.

— Это общее решение или...

— Нет, это я сам. — Виктор пожал плечами.

— Ну ладно, подумаем, — сказал полковник и вышел.

А Виктор еще долго сидел в аудитории и задумчиво смотрел на поломанные указки.

Он попал в отряд «Пятый уровень» после окончания академии МВД в Москве, и его сразу вызвал к себе генерал, начальник академии, и спросил:

— Ну что, Солонин, куда хочешь попасть по распределению? Только не надо слов «куда Родина прикажет». Наверняка ведь поближе к дому хочешь, а?... Или куда поинтереснее?

Виктор сразу понял, что разговор этот неспроста. Поэтому просто ответил:

— Как раз туда, куда вы мне хотите предложить.

— Сообразительный, засранец! — засмеялся генерал, взял со стола личное дело Виктора и вдруг баскетбольным броском кинул его в мусорную корзину.

Виктор открыл рот от удивления. Ведь в этом деле все: четыре года успешной учебы в академии, до этого два года в спецназе, отличные характеристики, все мечты, все надежды — вся жизнь.

— Что вы делаете? — выдавил он наконец.

— Как — что? — Начальник улыбнулся, в последний раз. Больше его улыбки Виктор не видел никогда. — Это дело не нужно ни тебе, ни мне, оно пойдет в спецархив. — Генерал достал из урны папку и спрятал в черный чемодан. — Это — сюда, а тебя я отправляю туда, где поинтереснее.

— Вы же... Вы же меня... — Солонин был так растерян, что все слова вылетели у него из головы.

— Тебя? — вполне серьезно спросил генерал. — А кто ты такой?

— Я... Я Виктор Солонин, — ответил он, окончательно смутившись.

— Виктор Солонин, Виктор Солонин... — забормотал начальник, наморщив лоб, — не помню такого. И ты тоже забудь. Не было никакого Солонина в нашей академии, и никто его не помнит. Его вообще никогда не было. Никогда. Усек?

— Не совсем, — честно признался Витя.

— Еще будет время. Завтра явишься в мой кабинет в семь часов утра, с вещами. Так что никакой вечеринки по поводу выпуска.

— А куда меня... — хотел было спросить Солонин, но генерал не дал ему договорить:

— Куда Родина пошлет. Ничего лишнего с собой не бери. Только все документы, какие есть, мыльно-бритвенные принадлежности и одну смену белья. Там все узнаешь. А теперь можешь идти.

Виктор развернулся на каблуках и зашагал к выходу. Но у самой двери начальник его окликнул:

— Солонин...

— Я! — Виктор застыл по стойке «мирно».

— Головка от патефона... Как я тебе завидую, кто бы знал. — Генерал вздохнул и грустно улыбнулся. — Мне бы годков тридцать скинуть и... Ладно, шагай.

На следующий день, как только Виктор приехал в академию, его посадили в черный «мерседес» и молча повезли в Шереметьево. Там, минуя таможеню, его запихнули в небольшой самолет и также молча отправили в Германию.

В самолете Витя и увидел Питера Реддвее впервые. Тот сидел в своем кресле и тоже молча читал какую-то книжку, изредка бросая на Виктора безразличные взгляды.

Под Мюнхеном, где самолет приземлился на огромном аэродроме, Витю встретили двое в штатском. Но по тому, как на них сидела гражданская одежда, а также по походке, манере держаться и по многим другим мелочам Солонин понял, что они — военные.

Виктору объяснили, что он попал в центр подготовки специальных сверхсекретных агентов. Но какой организации служат агенты и какой стране принадлежит эта организация, ему не сказали.

Трясаясь в армейском джипе, Витя пытался сообразить, что же это за место такое интересное, куда его послала Родина в лице начальника академии, но так и не мог.

Только в Гармиш-Партенкирхене, на небольшой базе, издали напоминающей обычный кемпинг для горнолыжников, его отвели в какой-то кабинет и оставили там одного, велев ждать начальства.

Виктор ждал целых два часа. Сначала рассматривал стены комнаты, окрашенные в салатовый цвет, потом изучал собственные ногти, а потом вдруг заснул прямо в кресле — сказалась усталость от дальнего перелета.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Этим кем-то оказался не кто иной, как сам «важняк» Генпрокуратуры России Турецкий. Витя знал его по академии, где Турецкий вел курс уголовного процесса и криминалистики. Солонин посещал семинар, который вел доцент Турецкий, и слушал лекции, посвященные расследованию особо опасных преступлений, в том числе и дел о терроризме.

— Ну привет, Витек. — Турецкий похлопал его по плечу. — Нервы у тебя, надо сказать... Мы за тобой два часа наблюдали. Другой бы в твоей ситуации нервничать начал, на столе рыться, в окна глазеть, чтобы понять, куда угодил, а ты просто заснул. Мы сначала думали, что ты притворяешься, а ты действительно заснул.

— Просто устал очень. — Виктор виновато улыбнулся и пожал плечами.

— А теперь я расскажу, куда ты попал. — Лицо Турецкого стало серьезным. — Скажу сразу, что многие хотели бы оказаться на твоём месте, а ещё больше отказались бы сразу. Если тебе не понравится, ты тоже сможешь отказаться. Получишь место в следственном управлении МВД. Или в уголовном розыске. К примеру, в МУРе. Да и к нам в прокуратуру дорога тебе не заказана...

— А если соглашусь? — поинтересовался Солонин.

— А если согласишься, то о нормальной жизни забудь сразу.

И Турецкий рассказал Солонину, что по его рекомендации тот был отобран в элитный сверхсекретный отряд особого назначения при Организации Объединённых Наций.

Необходимость в подобной структуре возникла несколько лет назад, как ни странно, с началом перестройки. В те годы с новой волной русской эмиграции в Европу и в Америку хлынул поток квалифицированных преступников из России. И довольно скоро в мир традиционной коза-ностры и якудзы вклинилась молодая и зубастая русская мафия. Довольно скоро она начала диктовать свои условия как в уголовном мире, так и в торговле, и даже в политике.

Один за другим следовали теракты, совершенные русской мафией. За короткое время коренным образом поменялись все связи, были нарушены привычные традиции и законы уголовного мира, а на их место пришли совершенно другие порядки. Полиция и службы безопасности Запада просто потеряли контроль над ситуацией.

Вот тогда и возникла идея создать при Организации Объединенных Наций свое подразделение. Если Интерпол строился на основе и по схеме полиции, то это подразделение должно стать неким подобием ЦРУ, ФБР или КГБ (теперь эта служба носит другие названия — Федеральная служба безопасности и Служба внешней разведки), только не в рамках одной страны, а в мировом масштабе. В задачи такого отряда входит освобождение заложников в тех странах, которые покровительствуют террористам на правительственном уровне, и борьба с наиболее крупными транснациональными мафиозными структурами. Причем борьба не только карательными мерами, но и путем внедрения своих агентов в самое сердце кланов и экономической блокады. Нужно постепенно поставить мафиози в такие экономические условия, чтобы им было невыгодно торговать наркотиками и оружием, а гораздо выгодней — медикаментами и оборудованием для спорта и любви.

Помимо этого, подразделение должно строго следить за всеми махинациями, которые происходят не только на уровне мафии, но и на уровне правительства. Ведь ни для кого не секрет, что правительства некоторых стран не могут, например, создать ядерное оружие своими силами и готовы пойти на незаконные сделки с частными торговцами оружием.

Турецкий говорил долго и интересно. Сказал, что отряд только формируется, объяснил, по каким принципам он будет действовать и каким статусом станут обладать ее члены, и многое другое. Упомянул о том, что идея создания отряда принадлежала его другу и учителю Константину Дмитриевичу Меркулову, заместителю Генпрокурора России.

Само название отряда «Пятый уровень» возникло потому, что люди, хорошо знающие тот или иной иностранный язык, получают диплом пятого уровня наравне с носителями языка, словно для них этот язык тоже родной.

Выслушав Турецкого, Солонин согласился.

— Эй, Виктор, ты чего тут застрял? — В аудиторию заглянула Марго. — Пойдем в теннис поиграем, пока есть время.

— Да, уже иду. — Витя сунул под мышку сумку и вышел из кабинета.

Но корт был занят. По нему бегали и громко ругались, размахивая ракетками, Марио и Кати.

— Ну вот, опоздали, — вздохнула Марго.

Витя улыбнулся и развел руками.

— Ничего, в следующий раз. Я пока в тир пойду, постреляю.

Тир находился в подвале под просмотровым залом. Там был целый арсенал. Любой из учеников и преподавателей мог зайти туда когда захочет, выбрать оружие и стрелять по мишеням, пока не надоест.

Витя выбрал себе большой короткоствольный револьвер. Не потому, что он больше всего любил это оружие, а как раз наоборот: никак не мог его освоить. Тяжелая железяка давала сильную отдачу и все время задирала ствол.

Но не успел Виктор забить барабан патронами, как в зал заглянул Джек:

— Витя, тебя в амбулаторию.

— Зачем? — Солонин раздраженно высыпал патроны в ящик и швырнул пистолет на полку.

— К стоматологу. — Джек пожал плечами. — Всех вызывают.

Когда они поднялись на третий этаж, из кабинета, держась за щеку, вышел Георгий и простонал:

— Не-ет, плохой из меня разведчик. Первому стоматологу все тайны продам.

— Следующий! — раздался властный мужской голос из-за двери. Дантист говорил по-английски.

«Ничего себе, — подумал Солонин, — из Англии, что ли, зубника пригласили?»

Виктор шагнул в кабинет. Лучше сразу, чем сидеть и зря тратить время. Ведь зубы у него были здоровы — это он знал точно.

— Садись. — Врач в салатовом халате кивнул ему на кресло, и Солонин послушно сел. — Рот.

Виктор послушно открыл рот. В руке у врача противно зажужжало сверло.

— Что вы делаете? — удивленно воскликнул Солонин. — Там же лечить нечего, зубы все целы.

— А я и не собираюсь лечить. — Врач больно уколол десну иглой, ввел обезболивающее и протянул Виктору какое-то лекарство в маленьком одноразовом стаканчике. — Выпей. Это лекарство действует как наркоз временный и легкий.

Витя выпил, не понимая, зачем все это нужно.

А как только сделал последний глоток, руки его ослабели, тело стало легким, а противный звук бормашины превратился в веселую соловьиную трель.

Когда врач начал сверлить, Солонин не почувствовал ничего, кроме запаха жженой кости. Потом ему долго ставили пломбу. Все это время Виктор сидел, запрокинув голову, и механически выполнял команды.

— Сплюнь... Закрой рот... Прижми... Еще сплюнь... Не давит?

— Нет. — Он помотал головой и улыбнулся.

— Ну тогда можешь идти. — Врач хлопнул его по плечу. — Следующий!..

После наркоза совсем не стрелялось. Пули разлетались в разные стороны, как потревоженные пчелы из улья. Расстреляв таким образом три обоймы, Виктор оставил это занятие и пошел в свою комнату спать.

Проснулся он ровно за полчаса до занятий. Не потребовалось никакого будильника, ничего. Самые точные часы были у Солонина в голове, еще с армии.

Это была их первая лекция по гриму. Сухонькая благообразная старушка с киностудии «Метро Голдвин Майер» дребезжащим голосом долго рассказывала о том, какие бывают разновидности грима. Для верхней части лица, для нижней, для дневного, для искусственного освещения. Виктор сидел и никак не мог понять, для чего их головы забивают кучей такой ненужной информации.

Через час старушка закончила свой длиннющий монолог.

Как только дверь за ней закрылась, в аудиторию быстрым шагом вошел Роберт Портер, представитель английской разведки. Поставил на стол маленький кожаный саквояж и спросил, весело улыбнувшись:

— Ну как вам вводная лекция? Старушонка понравилась?

— Да как-то... — невнятно промямлил Марио, пожав плечами.

— Ну что вы! — засмеялся Портер. — Знатная старушонка. Многие американские агенты были ее учениками. Лучше ее в гриме никто не разбирается.

— Есть у мужчин места, которые никак не загримируешь, — двусмысленно улыбнулась Марго.

Парни почему-то смутились.

— Ладно, а теперь серьезно. — Портер открыл саквояж и стал вынимать оттуда какие-то баночки, упаковки таблеток, парафиновые свечи и другую мелочь. — То, что говорила мисс Бойл, очень интересно, но годится только для кино. Мы надеялись, что, прослушав ее рассказ, вы не станете спрашивать, а почему нельзя просто намазывать физиономию жидкой пудрой и приклеить накладную бороду. Теперь перейдем непосредственно к тому, что касается нашей профессии. За курс лекций и практических занятий по этому предмету вы узнаете, как изме-

нять форму лица, цвет глаз, состарить и, наоборот, омолодить кожу, как делать искусственные шрамы, как за три дня поправиться на двадцать килограммов и как быстро похудеть и тому подобное. Все это когда-нибудь пригодится в вашей работе. Если есть вопросы, задавайте сразу.

— Скажите, — робко спросила Кати, подняв руку, — а как изменить цвет кожи?

— И это мы будем проходить. Заключительную лекцию прочтет специалист, к которому обращался Майкл Джексон.

Лекция пролетела очень быстро. На этот раз вместо сухих рассуждений была живая практика. Еще долго ребята сидели в аудитории и обсуждали услышанное. Никто даже не заметил, как в кабинет вошли Турецкий с Реддвеем и тихо уселись за последним столом.

— А может, не стоит? — тихо спросил у полковника Турецкий, глядя на весело смеющихся парней и девушек. — Не рано?

— В самый раз. — Полковник выложил на парту карту Боснии. — До конца жизни их тут не продержишь...

Глава 6

Сараево

— Значит, так, на все про все у вас только час, — в сотый раз повторял Турецкий, вышагивая по гостиничному номеру. — Если поймете, что с задачей не справляетесь, постарайтесь продержаться до подхода основных сил. Это будет несложно — там полно разбитых катакомб и есть где укрыться. Только помните — это не учение, и права на ошибку у вас уже не будет.

Ребята сидели на диване и послушно кивали, внимательно слушая командира.

Это задание было мало похоже на учение. Потому что теперь противник не был о нем оповещен, в обоймах вместо шариков с краской были боевые патроны, а на карту ставился не один десяток человеческих жизней.

После разговора с Солониным Реддвей и сам всерьез стал задумываться над сложившейся ситуацией. И тут узнал, что две недели назад в Боснии отряд мусульманских боевиков захватил группу сербских демократов, оппозиционных правительству Милошевича. И хотя война в Боснии закончилась, ее страшные рецидивы порой нет-нет да случались. Людей из группы «Сербские демократы» следовало освободить как можно быстрее и по возможности бескровно.

Операцию по освобождению поручили морским пехотинцам из американского контингента ООН. Те гарантировали освобождение восьмидесяти пяти процентов заложников.

И Реддвей выбил всего час. Всего час до начала операции, чтобы попробовать освободить все сто процентов. Попросил, даже не надеясь, что согласятся. И ему неожиданно дали добро. Отказываться было поздно. Теперь это уже было делом чести.

— Ладно, давайте еще раз повторим план действий. — Турецкий сел в кресло, но тут же вскочил снова, не в силах справиться с нервами.

— Сразу после высадки я устраиваю пожар на оружейном складе, чтобы отвлечь внимание и дать возможность Кати пробраться к барaku с заложниками, — сказал Марио.

— Я снимаю охрану и проникаю к пленным, чтобы попытаться организовать их и предотвратить панику, — сразу за ним выпалила Кати.

— Мы с Гошей, как только начинается пожар, завязываем бой возле автопарка, стараясь отвлечь на себя основные силы противника. — Солонин посмотрел на Георгия и подмигнул. — Ну, короче, танцуем. Как только получаем сигнал, уходим в пещеры и там теряемся, ждем подхода морской пехоты.

Турецкий внимательно слушал, делая какие-то пометки в блокноте.

— Как только они завязывают бой, — сказал Барагин, мы с Джеком начинаем незаметно выводить пленных из барака и уводить их в сторону гор. Их там должно быть двадцать человек, правильно?

— Абсолютно правильно, — кивнул Турецкий. — На всю эвакуацию у вас будет минут семь, не больше. Ведь через двадцать минут после того, как Солонин ввяжется в драку, мы начинаем бомбежку. Марио, устроив пожар, должен действовать по обстановке. Там решишь сам, подключиться тебе к Виктору с Гошей или эвакуировать пленных вместе с Барагиным и Фрэнки.

— А я, как только получу сигнал от Барагина, что все пленные в безопасности, взрываю барак, — подытожила Марго.

— Это все? — тихо спросил Турецкий.

— Все. — Ребята закивали.

— Ну а теперь я вам вот что скажу. — Он вдруг встал и стукнул кулаком по столу. — Операция отменяется. Ни к черту все не годится.

— Как?... Почему?... — раздались удивленные возгласы ребят. — Все у нас получится.

— Ни черта у вас не получится, зря на это надеетесь. — Турецкий покачал головой. — И вообще, дурацкая это затея. Если кто-нибудь из вас погибнет...

— Никто не погибнет! — вмешался Виктор. — Почему кто-нибудь должен погибнуть? Мы же все рассчитали. Этак нас можно еще десять лет на базе держать. Когда-то надо начинать, разве нет?

Турецкий не ответил.

Если бы хоть один из этих молодых ребят смог увидеть, какая борьба происходит в нем в эту минуту... С одной стороны, они, конечно, правы — рано или поздно нужно будет выпускать их из гнезда. Нельзя держать их под своим крылышком до конца жизни. Но...

Но в обычных условиях, когда птенцы покидают родителей, примерно две трети погибают в первые несколько дней. Выживают самые сильные — таков закон природы. А с этим законом Турецкий соглашаться не хотел, отказывался его принимать, как раньше люди отказывались принимать факт, что не Солнце вертится вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, как будто это зависело от их желания. А в таких ситуациях, как эта, потери личного состава бывают не меньше сорока процентов.

— Так что? Мы летим или не летим? — тихо спросил Солонин, посмотрев на часы. — Если не сейчас, то...

— Никуда мы не летим, я же сказал! Всем сдать оружие! — металлическим голосомскомандовал Турецкий.

Но через семь с половиной минут три вертолета, прижав к земле жухлую осеннюю траву, тяжело поднялись в черное ночное небо...

Никакой колючей проволоки вокруг лагеря не было. И это насторожило Солонина. Подав предупреждающий знак Гоше, он медленно пополз вперед, убирая со своего пути каждую веточку, каждый листик, шорох которого мог их обнаружить.

Здесь, в этом лагере, прятались те, для кого война так и не кончилась. То ли они мстили кому-то, то ли просто не могли отвыкнуть убивать. Они-то были сейчас особенно опасны.

Вскоре за деревьями замелькали огоньки костров, а еще через полсотни метров стали слышны мужские голоса.

И тут метрах в пяти, откуда-то сверху, раздался шорох. Солонин припал к земле, стараясь даже не дышать. Сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

Снайпер сидел на дереве. Виктору еле удалось рассмотреть его в густой листве. Ножом его не достать, а выстрелить отсюда не получится. Можно промахнуться, а если и попадут, то нет никакой гарантии, что убьют наповал. Нужно ждать, когда снайпер слезет с дерева, размять ноги. И ждать тоже нельзя — через десять минут Марио подожжет склад и нужно будет начинать бой.

И тут за спиной вдруг раздался голос Барагина.

— Эй, друг... — громко попросил он пьяным голосом. — Кинь мне зажигалку.

Листва зашуршала, и послышалось щелканье затвора. Солонина вмиг прошиб холодный пот.

А Гоша вдруг встал на ноги и, шатаясь, направился прямо к дереву, чуть не наступив Виктору на ногу.

— Ну дай, чего жмешься?

Двух секунд, пока снайпер брал Гошу на прицел, было достаточно, чтобы Витя выхватил пистолет, перевернулся на спину и нажал на спуск. Снайпер покачнулся, и Барагин еле успел отскочить от падающего с дерева тела.

— Прямо в глаз, — прошептал он, заглянув снайперу в лицо. — Пошли, быстро. Опоздываем уже.

Дальше постов не было. Через двести метров лес закончился, и Солонин с Барагиным выползли на огромную поляну, где стояло несколько покосившихся строений и две вышки. Наверное, лет пять назад здесь была мирная деревня. Жили люди, выращивали скот, рожали детей, влюблялись и умирали. Теперь тут был лагерь боевиков, гнездо смерти.

— Туда... — Солонин махнул рукой в сторону одной из вышек и, вскочив на ноги, метнулся к разбитой телеге.

Боевики по три — по четыре человека сидели у костров и о чем-то мирно беседовали. Это ночной караул. Остальные сейчас храпят в избах, накурившись марихуаны.

Благополучно миновав несколько таких компаний, друзья вскоре оказались как раз под вышкой, по которой, гремя коваными ботинками, вышагивал постовой. А за вышкой, обтянутые тремя рядами колючки, стояли семь бэтэров.

Гоша, оглядевшись, ловко, как кошка, полез по перегородкам вышки. Витя замер в ожидании, прижавшись к столбу. Через несколько секунд он услышал звук падающего тела. Барагин быстрой тенью скользнул вниз.

— Быстрее, быстрее, время... — Витя перелез проволоку ряд за рядом.

У бэтэров никого не было. Ребята разбежались в разные стороны. Прикрепив пластид к еще не остывшей броне трех машин, Солонин вскочил на четвертую и тихонько потянул за крышку люка. Та довольно легко подалась.

И тут раздалось сразу несколько голосов, следом в небо взвился столб огня.

— Пожар! Снаряды спасай! — закричали боевики, бросившись к складу. — Сейчас рванет!

Никто из них не обратил внимания, что один из бронетранспортеров у горы вдруг завелся.

— Бей прямо вон в ту кучу! — кричал Витя, припав глазами к перископу и дергая рычаги скоростей. — Третье строение справа, по окнам.

Георгий повернул башню, и ночную суматоху вспорола длинная очередь крупнокалиберного пулемета.

— Бей их, Гоша! — закричал Виктор, глядя, как пули разрывают на куски боевиков.

Бронетранспортер сорвался с места и, подмяв ряды колючки, вылетел на площадь. Где-то сзади один за другим гулко загревели взрывы — это взлетали на воздух остальные машины.

— Гранатомет слева! — коротко предупредил Георгий, увидев, как за телегу метнулся мужик с огромной металлической трубой в руках.

Солонин дернул за рычаги, и машина понеслась прямо на телегу. Наскочила на нее, подпрыгнув, и понеслась дальше.

— Ты куда? Там же скала, там они нас прижмут! — Барагин испуганно смотрел на несущуюся прямо на них черную громаду скалы.

— От лагеря уводить надо... — пояснил Солонин. — Ты стреляй, чего заснул?

Вдруг прямо перед глазами что-то полыхнуло, и бронетранспортер бросило в сторону. Из моторного отделения в кабину ворвались первые языки пламени.

Постовой даже ничего не заметил. Тоненькая металлическая удавка, взвизгнув, захлестнулась на его шее. Кати дернула еще разок для верности.

— Готов... — Она спрыгнула с крыши и начала лихорадочно искать в его карманах ключ от замка, краем глаза глядя на мечущихся по площади боевиков.

Те пробегали совсем рядом, метрах в десяти, лупя из автоматов по подорвавшемуся на mine бронетранспортеру.

Наверное, Витя и Георгий сгорели, — пронеслось у нее в мозгу. Но впасть в панику было некогда. Она-то жива и еще может кое-что сделать... Руки тряслись и никак не могли оторвать ключ от кожаного ремня. Кати даже не заметила, как из-за угла дома высунулось жало автоматного ствола, глядя прямо ей в затылок...

— Осторожно, тут мин полно! — кричал Гоша, отстреливаясь из автомата. — К лесу бежим, а то перестреляют, как куропаток!

Витя лихорадочно пытался завести мотор. Должно ведь получиться, обязательно должно. Но мотор только чихал, наполняя кабину черным маслянистым дымом.

— Ну чего ты там? Вылезай! — В люк свесилась голова Гоши. — Они уже окружили почти.

И тут мотор завелся. Затрещал шестеренками, взревел и завелся.

— Прыгай! — крикнул Солонин и метнулся к отверстию люка. Выскочил на броню, дал длинную очередь по бегущей толпе боевиков и кубарем полетел в кусты.

Жало треснуло выстрелом, и пуля, просвистев над самым ухом Кати, впилась в стену. Но вслед за первым выстрелом сразу прогремел второй. Из-за угла медленно вышел боевик и, выронив автомат, схватился за живот. Кати уже выхватила пистолет и хотела выстрелить, но мужчина сделал несколько шагов ей навстречу и упал на землю.

— Дура, по сторонам смотреть надо, — раздался из темноты голос Джека. — Пошли вместе. Времени семь минут осталось.

Заложники лежали на земле, накрыв головы руками, и плакали. Даже не сразу слышали, что в барак кто-то вошел.

— Прошу всех успокоиться! — сказала Кати. — От того, насколько четко вы будете выполнять мои указания, зависит ваша жизнь. В первую очередь прошу всех встать. Мы прибыли сюда, чтобы...

Но она не успела договорить, потому что пленные разом вдруг вскочили и бросились к выходу, чуть не сбив ее с ног.

Бронетранспортер, проехав еще несколько десятков метров, вдруг встал на дыбы и перевернулся. И моментально превратился в большой горящий факел.

— Гоша, ты жив? — тихо позвал Солонин, прислушиваясь к приближающейся трескотне автоматов.

— Я тут! — послышалось где-то рядом, и как бы в подтверждение этих слов из-за дерева начал короткими очередями стрелять автомат. Боевики попадали на землю. — Витек! Не давай им встать!

Солонин очнулся и тоже начал стрелять, даже не целясь. Сейчас главное — не попасть в противника, а хотя бы на несколько минут затянуть время, чтобы дать возможность вывести пленных. И совершенно не важно, чего тебе будут стоить эти несколько минут, даже если за них придется расплачиваться собственной кровью.

Автоматная очередь прогремела над самыми головами заложников, и они снова попадали на землю.

— Вы что, не понимаете, что вам говорят?! — заревел Джек на чистом сербском. Не зря они в «Пятом уровне» проходили ускоренные курсы языков. — Вы куда претесь? Под пули? А ну всем встать! Мужчинам выйти вперед!

Кто-то из пленных поднял голову и тихо, очень вежливо поинтересовался:

— Молодой человек, зачем вы так кричите? Нам же страшно.

— Ну слава Богу, — облегченно вздохнул Джек. — Кажется, понимают. Значит, так, выходит по три человека. Две женщины и мужчина. Каждый мужчина берет у меня пистолет. И двигаться сразу за дверью налево, до угла. А там сто метров до кромки леса. В лесу не разбегаться. Женщины уходят вглубь, а мужчина остается, чтобы прикрывать. Все умеют пользоваться оружием? Постарайтесь сохранять дистанцию между тройками. И смотрите, не подстрелите своих. Кто первый? У нас мало времени.

Вскочило сразу несколько человек.

— Вы, вы и вы, — ткнул пальцем Джек. — Держите пистолет — и вперед...

...Марио видел, как три фигуры отделились от стены дома и бросились бежать в сторону леса, в его сторону. Потом еще и еще.

— Ну вот, вы без меня справитесь, — облегченно вздохнул он и побежал на звук выстрелов.

На ходу двумя короткими очередями он скосил четверых боевиков, бегущих туда же. В небе слышался шум моторов. Вертолеты. Но прилетят они не раньше чем через десять минут, когда сделают крюк, чтобы зайти со стороны гор.

Георгий с Витей стреляли откуда-то из леса. Стреляли, очевидно, наобум, почти вслепую, потому что пули ложились беспорядочно, куда попало. Марио нырнул к какому-то канаву, вскинул автомат и тоже начал стрелять. Только каждая его пуля вылетала по определенной мишени. Прямо как в тире. И чего этот Турецкий боялся?...

Лежа на крыше, Барагин шарил по площади оптическим прицелом своей винтовки. Чуть не подстрелил Марио, когда тот вынырнул из леса и бросился к горящему бэтэру. В последний момент отдернул палец. Потом снял какого-то мужика, который медленно тащил к месту боя пулемет. Когда пятая тройка выскочила из-за угла, достал ракетницу и пустил в звездное небо еще одну звезду, самую яркую...

Витя уже оглох от стрельбы. Видел, что Гоша что-то кричит ему, но ничего не мог разоб-
брать. Автомат прямо раскалился, до ствола нельзя было дотронуться. А он все продолжал стрелять, пока что-то вдруг не подбросило его в воздух и не швырнуло на поваленное дерево.

...Первое, что он увидел, когда открыл глаза, было лицо Реддвеля. Полковник что-то громко кричал, размахивая руками.

— Пригнитесь, — простонал Витя. — Подстрелят.

— Что? — как из колодца донесся до него голос Питера. — Да уже все кончилось, дурак! Ты сознание потерял от взрыва.

Слух постепенно вернулся, и Витя услышал далекую стрельбу и взрывы.

— Все живы? — Витя попытался встать, и это удалось ему с огромным трудом. — Где Гоша, как он?

— Да все нормально. — Реддвей хлопнул его по плечу. — Вы отлично сработали, только двое заложников ранены.

— Откуда вы знаете? — Витя недоверчиво покосился на полковника.

— Знаю! — Полковник засмеялся и ткнул себя пальцем в пузо, в то место, где на поясе висел небольшой пейджер. — Зачем, ты думаешь, мы вам зубы лечили? Если кто-нибудь погибнет, у меня сразу запикает. Это датчики жизненных функций.

Витя облегченно вздохнул и устало опустился на траву, отбросив в сторону ненужный уже автомат, который до сих пор сжимал в руках.

Идея создания команды «Пятый уровень» принадлежала Константину Меркулову, он разработал и проект этой структуры.

Организацией Объединенных Наций эта команда была создана не как альтернативная Интерполу, но как самостоятельное подразделение по борьбе с терроризмом, мафией, торговцами наркотиками и так далее. Ребят в команду собирали по всему миру, тщательно и дотошно. Конечно, в первую очередь искали в Америке и России, потому что инициаторами создания подразделения были американский и российский президенты. Кроме того, в этих странах были наиболее развитые структуры вооруженных сил. Германия предоставила базу, техническое обеспечение и коммуникации.

Специалистов тоже собирали по крохам. Русских кандидатов предложил все тот же Меркулов.

Так сюда попал и Турецкий. К слову, после нескольких громких дел Александра Борисовича пригласили преподавать в Академию МВД, он согласился. Поначалу совмещал обе про-

фессии: суетную и опасную работу следователя и размеренную, спокойную — доцента кафедры криминалистики Академии МВД.

А потом бесценный друг Костя Меркулов пригласил Турецкого к себе и предложил «Пятый уровень», только-только создающуюся международную организацию по борьбе с терроризмом и международной мафией.

— Будешь лишь преподавать, учить, — убеждал Константин Дмитриевич.

— И никаких криминальных дел? Никакой опасности? — спросил тогда Турецкий.

— Ну разве что иногда, — уклончиво ответил Меркулов. — Почему я рекомендую тебя? А кто из «важняков» лучше знает, как расследовать дела о терроризме. Кстати — оплата в долларах...

— Кстати... — задумчиво повторил Турецкий, хотя это относилось вовсе не к долларам. — Иногда, говоришь?

— В смысле опасностей — очень редко, — развел руками Меркулов.

— Согласен, — сказал Турецкий.

И ни разу об этом скором решении не пожалел. Это «иногда» он превратил в «постоянно», потому что сам ни одной операции не пропустил. Правда, об этих его командировках было известно очень узкому кругу людей.

Ребят он отбирал вместе с полковником Реддвеем, тучным и краснолицым американцем, с которым сразу подружился. Конечно, без споров не обошлось, Турецкий горой стоял за русских специалистов, а Реддвей, не уступая Джекандру в патриотизме, всеми силами тащил своих американцев.

В конечном счете команда сложилась крепкая. Были тут и русские, и американцы, и французы. Были даже американские русские — Мамонтов например.

Но с какого-то момента это все не имело значения, талантливые ребята уже через год все владели английским в совершенстве, а некоторые, пройдя особый курс, овладели китайским, японским, русским, арабским языками на довольно высоком уровне. Сейчас проходили европейские языки, в курс которых входил и сербский, который оказался так кстати.

Кто бы послушал их со стороны, когда они общаются во внеучебное время, — ничего бы не понял, сплошная тарабарщина. Одно слово русское, одно английское, два французских, три на иврите.

Турецкий с трудом их понимал. А тучный Реддвей вовсе бесился.

— Я вас породил, — говорил он, — я вас и убью! — Эту фразу Реддвей произносил, естественно, по-русски. Преподаватели тоже учили языки.

И вот теперь ребята из «Пятого уровня» были готовы к самой сложной работе.

— Ты уверен, что готовы? — спрашивал осторожный Реддвей.

— На все сто, — отвечал Турецкий.

Просто он знал, если кто-то из птенцов захлопает крылышками, он, Турецкий, всегда будет рядом.

Глава 7

Германия, база в Гармиш-Партенкирхене

Сообщение в штаб поступило в 11.49.

В ту же минуту запиликали пейджеры: «Не забудь купить хлеб, любимый». Это был пароль. Тревога, но не учебная. Стряслось что-то архисерьезное.

— Надо же... — Барагин пулей выскочил из-под теплого одеяла и начал спешно одеваться. — Единственный выходной, и тот испохабили...

— Ты куда? — встrepенулась безымянная девица-блондиночка, с которой Николай познакомился прошлым вечером на улице Гармиш-Партенкирхена, и знакомство это вылилось в прекрасную ночь любви.

— Аудиторы заявили, проверяют документацию... Нужно быть на месте...

Барагин представился банковским служащим, и у девицы не было оснований не верить ему.

— Когда вернешься?

— Вечерком. — Он на мгновение замер в дверном проеме, улыбнулся.

«Хорошая девочка. И фигурка что надо. Впрочем, у нас девчонки не хуже».

— Я приготовлю ужин. — Она сладко потянулась.

— Нет, мы пойдем в ресторан. Я знаю одно чудное местечко.

Плохо обманывать. Но что делать? Работа такая...

В 12.25 все были в сборе. Угрюмо сидели в одной из аудиторий центра, томились ожиданием. Только Фрэнки невозмутимо щелкал клавишами своего ноутбука. Все были уверены, что Джек составлял какую-нибудь компьютерную программу или же пытался найти противоядие против новейшего вируса. Никому и в голову не могло прийти, что он резался в третью версию «Дума» и уже добрался до предпоследнего уровня.

Кондиционер вбирал в себя полуденный жар.

Реддвей и Турецкий влетели, как два смерча. Верней, торнадо по сравнению с ними был жалким ветерком.

— Итак, дети мои, нам всем подвалило работенки, — по-ковбойски оседлав стул, возбужденно объявил Реддвей. — Хватить играть в бирюльки, пора и потрудиться!

— Это мы уже поняли, — деловито сложил руки на груди Солонин.

— У него такой вид, будто Хуссейн сбросил на Израиль атомную бомбу, — шепнул Гарджулло на ушко Кати Вильсон.

Он и сам не предполагал, что случайно попал чуть не в самую точку.

— Полчаса назад в самом центре Тель-Авива сработало мощнейшее взрывное устройство, — объявил Турецкий.

— Жертвы? — подал голос Валериан Володин.

— Много жертв, — сжал пальцами нижнюю губу Реддвей. — Именно поэтому израильские коллеги за помощью обратились к нам. Мы уже получили данные с космического спутника, несколько четких снимков. Ознакомимся с ситуацией, определим, что к чему, и в путь.

— Когда? — не отрываясь от дисплея, спросил Фрэнки.

— Самолет уже ждет на взлетной полосе. Надо только домчаться до аэропорта в Инсбруке.

— Ненавижу самолеты, — поежился Мамонтов. — Убалтывает меня...

— Увы, телепортацию еще не придумали, — сочувствующе посмотрел на него Барагин.

...Однако этим поспешным сборам предшествовал разговор, который во многом и определял все дальнейшее развитие событий. А разговор этот вели политики самого высокого ранга, выше не бывает. Президенты Америки и России.

Созданный под эгидой ООН, но исключительно усилиями трех стран — России, США и Германии, «Пятый уровень» был, как это водится, на время благополучно забыт. А может быть, не забыт, может, президенты давали возможность команде как следует подготовиться к работе. Реддвему и Турецкому уже не раз приходилось пробиваться к высокому начальству с одной просьбой — используйте нас, мы готовы.

Однако даже операция в Боснии была полной самостоятельностью. Реддвему и Турецкому всякий раз отвечали, что, мол, их время еще не пришло, пусть себе спокойно живут, а когда понадобится — вызовут.

На сей раз все случилось с точностью до наоборот. Узнав о взрыве в израильской столице, первым забеспокоился американский президент. Конечно, терроризм — страшная вещь, а именно для борьбы с этим дьявольским злом и был создан «Пятый уровень». Но случившиеся до этого не менее трагические события, связанные с террором, не вызвали такого беспокойства в Америке, как на сей раз.

Президент позвонил в Кремль и напомнил русскому коллеге, что созданная ими команда почему-то бездействует (!), не пора ли ее направить на настоящее дело.

Российский президент особого удивления американскому не высказал, но тут же запросил сведения о взрыве, узнал, что произошло в Тель-Авиве, узнал, что «Пятый уровень» уже давно просится в бой, и дал на то согласие.

С израильскими властями договаривался уже американец.

Русский же президент подумал, что у «вашингтонского саксофониста», очевидно, есть особые причины беспокоиться по поводу теракта. Впрочем, подумал об этом как бы вскользь, не заостряясь.

Дальнейшие события показали, что эта мимолетная мысль была в самую десятку.

И причин беспокоиться у русского президента было ничуть не меньше...

Команда переместилась в просмотровый зал, где на огромный видеоэкран подавалось цифровое изображение.

Снимки действительно были четкими. Все как на ладони. Обрушившиеся стены домов, развороченные автомобили и автобусы, огромная воронка посреди мостовой и люди... Живые и мертвые. Мертвых гораздо больше.

— По-видимому, взрывчатка была в припаркованном грузовичке вот здесь, — Турецкий ткнул указкой в эпицентр взрыва. — Разумеется, от него ничего не осталось. Версий может быть множество. Сейчас полиция опрашивает свидетелей, но...

Он замолчал, и все поняли, что на показания свидетелей рассчитывать не придется. Надо будет самим раскапывать, песчинку за песчинкой, собирать информацию, внедряться, вести наблюдение... Словом, применить на практике все те знания и навыки, что они получили в «школе».

Тягостному молчанию Турецкого можно было найти и еще одно объяснение — это было их первое настоящее антитеррористическое дело, не считая боснийского. И права на ошибку они не имели.

— Кто-нибудь взял ответственность? — нарушил тишину Солонин.

— Пока нет.

— Задницей чую, это «Хэсболла». Их стиль. У них жалость отсутствует как таковая.

— Может быть... — не стал возражать Турецкий. — Нам предстоит все это выяснить.

— А какая сейчас погода в Тель-Авиве? — осведомилась Маргарет Ляффон.

— Ох уж эти бабы... — закатил глаза Гарджулло. — Самое главное — узнать погоду, чтобы подобрать подходящие туфельки.

— Действуем по пятому варианту, дети мои, — сказал Реддвей.

В общем-то больше ничего объяснять было не надо. Пятый вариант — это когда все члены группы должны работать как бы порознь, каждый за себя. Никаких собраний и совместных действий. Разумеется, до тех пор, пока не поступит команда приступить к другому варианту.

— Я останусь здесь, — продолжал Питер, — буду держать с вами круглосуточную связь, а заодно попытаюсь выйти на ребят из ЦРУ, Интеллидженс сервис и других разведок. Наверняка у кого-нибудь да окажется кое-какая информация. Турецкий возьмет на себя контакт с ФСБ, ему в этом смысле проще. — Он выдержал паузу, после чего торжественно произнес: — И да поможет нам Бог!

Все поднялись и хором выпалили:

— Служим Отечеству!

— Каждый своему... — тихо добавил Гарджулло.

Лишь Фрэнки не изменил своего положения, остался сидеть, заложив ногу за ногу. Джек был одиночкой по жизни, ему было чуждо всяческое проявление коллективизма. Людям искусства, а он себя к таковым причислял, противопоказано ходить строем.

— А погода сегодня в Тель-Авиве сказочная, — проговорил Фрэнки, перелистывая страницы Интернета. — Вот, пожалуйста. Двадцать восемь выше нуля по Цельсию, солнечно, ветер южный, умеренный.

— Я успею заскочить за купальником? — взмолилась Марго.

— Я одолжу вам свои плавки, мадам, — хмуро процедил сквозь зубы Реддвей, но, смягчившись, ласково хлопнул девушку по упругой попке. — Ты иврит-то еще не забыла?

В 13.29 вылетели с аэродрома австрийских ВВС. В 15.54 приземлились на секретную посадочную полосу близ Тель-Авива и пожимали руку представителю службы Моссад Соломону Берковичу, встречавшему их у трапа.

— Восемьдесят шесть человек погибли, — искренне причитал статный мужчина лет сорока, по очереди пожимая руки бойцов. — Более двухсот ранены. Беркович Соломон, очень приятно... Дети, старики... Беркович... Торговый район, знаете ли, обеденное время... Соломон Беркович...

— Мне нужны самые свежие сведения. — Турецкий надел темные очки. Интернет не врал, в столице Израиля и в самом деле было очень солнечно.

— Мои ребята исследуют каждый сантиметр, через час я должен получить подробный отчет.

— Уже сейчас можно сказать что-нибудь определенное?

— Можно сказать, что совершен теракт.

— Неужели? — «изумился» Турецкий.

— Не надо иронизировать, — жестко одернул его Беркович. — Поначалу мы действительно сомневались в этом. И на то были веские причины — в одном из домов ремонтировали газопровод. Плюс ко всему — ни по одному из наших каналов не прошло и намек на готовящийся взрыв.

— Вам бы следовало хорошенько прочистить эти каналы.

— Вместе с газопроводом... — пробормотал Гарджулло.

— Такое случилось впервые за последние несколько лет. У нас очень разветвленная агентурная сеть. Обычно мы загодя получаем предупреждение с точными временными координатами и успеваем предпринять соответствующие меры. Но на этот раз...

— Так, может, это был все-таки газ и вам надо разобраться с коммунальными службами? — вклинилась в разговор Кати Вильсон. — Тогда какого черта мы сюда приперлись?

— Газовый взрыв не очень вяжется с ранениями, которые получили жертвы... — пояснил Беркович. — Некоторые из них были буквально наспигованы гвоздями и шурупами...

— Тип взрывчатки?

— Скорей всего, это был нитроглицерин.

— Нам бы хотелось лично осмотреть это место.

— Я в полном вашем распоряжении, — приосанился Беркович.

— Где тут у вас ближайший туалет? — тяжело опираясь на плечо Барагина, простонал сине-зеленый Мамонтов. — Кажется, у меня началась небольшая интоксикация...

К сожалению, от услуг Мамонтова пришлось отказаться на неопределенное время. Бедняга как скрылся за дверцей с двумя нулями, так и поселился там. Кстати, этот недостаток Георгия — плохая переносимость авиаперелетов — не раз обсуждался командованием центра. Однажды даже ставился вопрос о его отчислении. Но у Мамонтова было неоспоримое преимущество перед остальными членами группы — никто лучше и быстрее него не мог завербовать и раскрутить «лопуха»¹, а уж в наружном наблюдении ему просто не было равных.

¹ «Лопух» — жаргонное слово секретных служб. Человек, обладающий ценной информацией вне зависимости от его возраста, пола, статуса и социального положения.

Глава 8

Израиль, Тель-Авив

Внешне это был обыкновенный домишко в отдаленном пригороде столицы — четыре этажа, на балконах сушится белье, из приоткрытого окна доносится визгливый женский голос, смешанный с ароматом готовящегося ужина, во двореке играют дети.

Но мало кто знал, что домишко этот был десятиэтажным. Вернее, об этом не знал никто, кроме агентов спецслужбы Моссад. Остальные же шесть этажей уходили под землю...

Что-то похожее на бункер. Звуконепроницаемые стены, длинные коридоры с низкими сводами, герметичные стальные двери, открывающиеся при считывании лазерным устройством глазной сетчатки, множество вооруженных постов.

Здесь было все для автономной работы в течение длительного срока, вплоть до гидро-электростанции — загнанная в огромную трубу речушка исправно давала ток.

— Вот это я понимаю! — восхищенно воскликнул Джек Фрэнки, когда его проводили в компьютерный центр, зал гигантских размеров с обслуживающим персоналом в тридцать человек.

И все эти тридцать человек выстроились по стойке «смирно» вдоль стены. Большая часть из них были щуплыми, лысеющими и в очках с мощнейшими диоптриями — сразу видно, бывалые компьютерщики.

— Все эти люди отныне работают под вашим командованием, — сказал Беркович.

— А что это они такие напряженные? — Потирая ладони, Фрэнки развалился в широком кресле и положил ноги на стол. — Вольно, ребята! Все по своим местам! Надеюсь, у вас есть какая-нибудь аркадная игрушка?

— Игрушка? — удивленно переспросили компьютерщики.

— Ну да, игрушка. Например, «Бешеный пес», а еще лучше — третий «Дум». Я, видите ли, на последнем уровне застрял.

Ни одной игрушки в центре не оказалось, об этом на полном серьезе доложил дежурный Цахис.

— Так, ребята, отношение к юмору у вас своеобразное. Теперь понятно, почему вы распяли Христа, — произнес по-французски Фрэнки и снова перешел на иврит: — Подключите-ка меня к Интернету и заварите чашечку крепкого кофе. Вы знаете, что такое кофе?

— Знаем, — ответил Цахис.

— Тогда чего стоишь? Лезь на пальму и собери пару зерен. — И Фрэнки, расстегнув ворот джинсовой рубахи, придвинулся к компьютерному монитору.

В это время остальные ребята уже рассеивались по городу. У каждого из них был свой маршрут, своя задача, своя роль...

Лишь Турецкий с Солониным действовали в открытую, прибыли в зону оцепления на полицейском броневице. Облачены они были также в форму израильских стражей порядка, чтобы не выделяться в толпе рыскающих на месте взрыва оперативников.

Одно дело — разглядывать снимки из космоса. Совсем другое — видеть последствия трагедии воочию.

Еще утром это была оживленная пешеходная улица, вдоль которой тянулся бесконечный ряд магазинчиков, банков, кинотеатров и открытых кафешек.

Наверное, здесь торговали фруктами и сувенирами голосистые лоточники. Наверное, люди скрывались от полуденного солнца под тентами-зонтиками, заказывали себе холодный апельсиновый сок, просматривали свежие газеты, слушали скрипку уличного музыканта...

Быть может, целые семьи приезжали сюда, чтобы закупить подарков к ближайшему празднику, да и просто прогуляться, развеяться, отдохнуть.

И вот целый квартал был буквально сметен взрывной волной и огненным вихрем. Расплавленный асфальт вздыбился безобразными кусками, впитывая в себя кровь.

Спасатели все еще пытались извлечь из-под развалин кричащих и стонущих людей. К изуродованным останкам ни в чем не повинных жертв даже не прикасались — рук не хватало, живым бы помочь.

В воздухе стоял удушливый запах гари и паленого человеческого мяса. И ветра, как назло, не было.

Турецкий с Солониным выбрались из броневика, огляделись.

— Надо бы во все популярные газеты разослать людей, — вдруг предложил Александр, — и чем быстрее, тем лучше.

— Это еще зачем?

— Насколько я понимаю, здесь сегодня было много туристов.

— И что?

— У туристов есть одна странная привычка — всюду таскать с собой фотоаппарат.

Солонин врубился и уже хотел было схватить рацию, чтобы отдать распоряжение Берковичу, но Турецкий перехватил его руку:

— Не надо, Вить. Наверняка те ребята, что устроили всю эту заварушку, знают полицейскую волну.

— Понял. — И Солонин вновь вскарабкался на броневик. — Я туда и обратно!..

Александра же не покидало странное чувство абсолютной уверенности, что преступники имели возможность не только перехватить радиоразговоры полиции, но и подсматривать за ними. Прямо сейчас. Зачем? На всякий случай, чтобы держать ситуацию под контролем.

Он задрал голову, окинул наметанным глазом края крыш. На верхушке здания банка разместились два снайпера в черных комбинезонах. Еще один, чтобы не скатиться, придерживался рукой за телеантенну на покато́й крыше пятизвездочного отеля «Хилтон».

Впрочем, почему обязательно на крыше? Голубчик может находиться и в толпе журналюг, что стоят за ограждением. Или же выглядывать из окна гостиницы. Вон сколько их, любопытствующих постояльцев.

Спровоцировать драку особого труда не составило. Скорее, не драку даже, а невинную потасовочку. В этом смысле Марио Гарджулло просто повезло, когда он краем уха услышал нелестный отзыв об арабах, вырвавшийся из уст нагловатого паренька. Паренек был не один, в компании таких же, как и он сам набриолиненных шибзди́ков.

— А ну повтори, что ты против арабов имеешь? — подлетел к нему Марио.

И пошло-поехало. Шибздики разлетались в разные стороны, как резиновые игрушки. Впрочем, Гарджулло лишь играл с ними, бил открытой ладонью, а сам думал: где же полиция?

И полиция нагрянула. Невдалеке от дерущихся с визгом остановился патрульный автомобиль. Две совсем молоденькие девчонки приоткрыли дверцы и, прикрываясь ими как щитом, вскинули револьверы.

— Всем на землю!

Конечно же Марио не сопротивлялся. Он даже испытал нечто вроде удовольствия, когда одна из девчонок заковывала его в наручники.

— Детка, вас по конкурсу отбирали? — промурлыкал Гарджулло, втягивая носом сладкий цветочный аромат, исходивший от ее распущенных волос, но в тот же миг получил резиновой дубинкой по башке от второй полицейской дамы.

...Володин вернулся минут через двадцать и доложил, что Беркович уже начал шерстить редакции газет и телеканалов.

— А вот это Сол передал тебе, — он протянул Турецкому скрученный ротапринтный рулон. — Это предварительные анализы экспертов.

— Как обстановка в штабе?

— Все на ушах стоят, но никакой конкретики пока нет. Беркович обещал немедленно сообщить, если что. А у тебя как?

— Сам видишь, ничего особенного...

Они зашли в «Хилтон» через огромную дыру, зияющую посреди фасадной стены. К счастью, аппетит взрывной волны ограничился только этой стеной, потому как в холле следов каких-либо разрушений не наблюдалось. Ну разве что ковер прогорел, хрустальная люстра покосилась и в поведении персонала замечалась плохо скрываемая нервозность. А в остальном — будто ничего не произошло.

— Приятное местечко, — осмотревшись, констатировал Турецкий.

— А ты как хотел? — надул щеки Володин. — Пять звездочек.

— Здесь и расположимся.

Они оккупировали кожаный диван, который уютно примостился под раскидистой живой пальмой. Благодать, вот только кондишн не работает, душновато.

— Так, что у нас тут? — Джекандр развернул рулон.

— Позвонить! Позвонить мне надо, вы понимаете? — От конторки рецепции вдруг послышалась раскатистая русская речь. Мужчина с перебинтованной головой нависал над растерянным портье. — Не понимаете? Черт бы вас... Кол ту Москоу! Один лишь кол!.. Почему нет связи?!..

Портье отвечали по-английски, что телефонная линия повреждена во всем районе, что в данный момент позвонить из гостиницы нет никакой возможности, что нужно немного обождать, пока починят, но мужчина, видимо, изучал в школе какой-то другой язык и продолжал настаивать:

— Мне нужна связь с Москвой!.. Немедленно!.. Ну сделайте же что-нибудь, это очень важно!..

— Знакомое лицо, тебе не кажется? — Турецкий легонько толкнул в бок Володина.

— М-мм, — пожал тот плечами. — Что-то не припоминаю. Может, артист какой-то?

— Нет, не артист. Но лицо...

Металлические жалюзи медленно поползли вверх, и когда они достигли высоты подбородка, Барагин пригнулся и вошел в затхлый полумрак автомастерской.

Вытирая испачканные мазутом руки, ему навстречу шел высоченный тип в промасленном комбинезоне. Его тыквообразную башку зловеще обхватывал рокерский бандан.

— Вы хозяин?

— Что надо? — не совсем дружелюбно прохрипел тип.

— Да вот, колымага сломалась, а люди говорят, что берете вы недорого, — улыбнулся Барагин. — У меня, знаете ли, небольшие денежные затруднения.

— Вали отсюда.

— Простите?

— И без тебя работы невпроворот, ясно?

Николай заглянул верзиле за плечо, но, кроме одного-единственного «шевроле» семьдесят восьмого года выпуска, больше ничего не обнаружил. Значит, он не ошибся — вряд ли на самом деле это помещение предназначено для ремонта машин.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами?

— Парень, ты становишься слишком надоедливым, — насупился хозяин. — Я сам себе начальник и сам подбираю себе клиентов.

— Вы, наверное, подумали, что я из полиции? — Барагин и не думал выматываться из мастерской.

Верзила запустил руку за спину и, вытащив из-за брючного ремня громадный гаечный ключ, начал многозначительно перекидывать его из ладони в ладонь.

— Так вот, я могу быть откуда угодно, но только не из полиции, — затараторил Николай, пытаясь расположить к себе типчика быстрее, чем тот вознамерится проломить ему башку. — Ненавижу копов. Была бы моя воля, я бы их всех...

Последние слова пришлись по душе хозяину, и гаечный ключ прекратил свою безумную пляску.

— Мне кажется, тебе можно доверять, — панибратски произнес Барагин. — Ну, ты производишь впечатление клевого парня... Понимаешь, о чем я?

— Не очень...

— Ты классно меня просек, нет у меня никакой тачки. Я ведь освободился всего три часа назад. Целый год провел в тюрьме.

— Год — это ерунда, — авторитетно заметил типчик.

— Кому ерунда, а кому ножом по сердцу. Меня друг предал. Лучший друг. Мы с ним в паре работали. Я сел, а он как бы чистеньким остался и даже знать о себе не давал!..

— Бывает.

— Знаешь, о чем я мечтал весь этот год? О том, что выйду на свободу и первым делом прикончу этого мерзавца.

— Я бы на твоём месте первым делом бабу трахнул, — загоготал верзила, но в следующий момент его глаза превратились в две хитрые щелочки. — Кто тебя навел?

— Один крутой парень, мы с ним столкнулись в пересыльном автобусе.

— Имя?

— Он не представился, а я и не спрашивал... Но он сказал, что ты не раз выручал его, Ефраим.

— А ты кто такой?

— Меня зовут Николай.

— Олем?

— Да, олем. Родители эмигрировали, когда мне было двенадцать.

Металлические жалюзи с грохотом покатались вниз, и теперь мастерская освещалась лишь тусклой лампочкой, болтавшейся на проводке под потолком.

— Встань лицом к стене и подними руки, — приказал Ефраим.

— Ты думаешь, у меня микрофон? — Барагин послушно исполнил приказание верзилы. — Брось!.. Я чист, как слеза младенца!..

— Заткнись... — Хозяин мастерской тщательно обыскал Николая, после чего с силой нажал на его затылок, припечатав парня лицом к стене. — Сейчас я задам тебе еще несколько вопросов, дружок. И если мне покажется, что ты залетная птичка... Кричи не кричи — все равно никто не услышит.

— Нет, я в тебе не ошибся, — прохрипел Барагин. — Ты как раз тот, кто мне нужен.

Металлические жалюзи с грохотом покатались вниз, скрыв от посторонних взглядов абрисы двух мужских фигур.

Кати Вильсон и Маргарет Ляффон сидели за столиком у окна в крошечном ресторанчике прямо напротив автомастерской.

Маргарет была в очках со встроенными минитрансфокатором и видеопередающим устройством и успела прекрасно рассмотреть физиономию громилы в рокерском бандане. На мониторе ноутбука, лежавшего на коленях у Кати, запечатлелся четкий портрет. Этот же портрет получил на головном компьютере Джек Фрэнки и сразу начал рыскать по полицейским картотекам.

— Десять минут? — шепнула Маргарет.

— Восемь, — покачала головой Вильсон. — Мне не нравится эта рожа.

...— Так вы русский? — изумился мужчина с перебинтованной головой, видя перед собой представителя израильской полиции. — Бывший русский, — сказал Турецкий, на всякий случай подбавив в свою речь немного акцента. — У вас возникли какие-то проблемы?

— Да, мне нужно срочно позвонить в Москву, а они не понимают...

— Они все понимают, — Джекандр бережно взял мужчину под локоть и отвел от рецепции, — просто линия повреждена.

«А костюмчик-то у дядечки ничего», — заметил он про себя.

— Это какой-то кошмар, — страдальчески скривился перебинтованный. — Все мои планы коту под хвост!.. А наш спикер лежит под капельницей, ему вот такой гвоздище ногу пробил!.. Кстати, моя фамилия Коровьев, — он протянул Турецкому раскрытую ладонь, — Евгений Иванович Коровьев.

— Вы тоже ранены?

— Ничего страшного, осколком стекла задело. А нашему спикеру...

— Евгений Иванович!.. — По лестнице торопливо спускался молодой широкоплечий парень. — Я узнал, как добраться до посольства!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.